БАРАНОВСКІЙ,

ИЛИ

ХАРАКТЕРИСТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

МАЛОРОССІЯНЪ.

МАЛОРОССІЙСКАЯ БЫЛЬ

XVIII СТОЛѢТІЯ.

Часть Вторая.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. СТЕПАНОВА.

1835.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра.

Москва. 1835 года, Генваря 26 дня.

Цензоръ *А. Болдыревъ.*

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Испанская бесѣдка. — Нечаянное свиданіе. — Цвѣты. — Нѣчто изъ характеристики Петруся. — Покровительство.

Огромный и тѣнистый садъ, окружавшій палаты Бея, заключалъ въ себѣ множество уединенныхъ мѣстъ, которыя Зобеидою и Пашею никогда не были посѣщаемы. Въ одномъ мѣстѣ, тщательно усаженномъ столѣтними дубами и соснами, находилась боль-

шая бесѣдка, извѣстная подъ именемъ Испанской. Она такъ называлась потому, что первые владѣтели областей теперяшняго Бея сдѣлали ее для того, чтобы память ихъ не исчезла въ потомствѣ, и чтобы по крайнѣй мѣрѣ эта бесѣдка могла свидѣтельствовать о прежнемъ ихъ существованіи.

Она раздѣлялась на двѣ довольно пространныя половины, изъ коихъ первая заключалась въ банѣ, которая, въ послѣдствіи времени, болѣе уже не служила для сего употребленія: ибо внутренность оной отъ времени почти совершенно была разрушена, и крышка обросла разными деревьями и шиповникомъ, листья котораго такъ тѣсно между собой соединились, что входъ сдѣлали довольно труднымъ. Однажды Анастасія гуляла около этаго

стариннаго зданія. Въ то время она вспомнила объ молодой Музульманкѣ, и размышляя, предполагала уже достигнуть здѣсь своей давно обдумываемой цѣли. Желая привести въ исполненіе свое намѣреніе, она, не теряя времени, въ ту же почти минуту отправилась къ Зобеидѣ, и попрося у нее ключа отъ сего ветхаго строенія, возвратилась туда въ сопровожденіи одного Евнуха. Анастасія сперва отворила всѣ двери и окошки для того единственно, чтобы весенній воздухъ просвѣжилъ стѣны сего строенія и чтобы сырость, тамъ господствовавшая, могла исчезнуть. Потомъ когда все сіе устроила, то привела Зобеиду въ одну круглую залу, изъ которой она могла довольно удобно видѣть остальную часть сада, въ которомъ до сихъ поръ никогда не бы-

вала. Жаръ въ сіе время былъ самый несперпимый. Зобеида сперва чувствовала удовольствіе при входѣ въ это старинное зданіе, и еще болѣе отъ того, что она могла видѣть его во всемъ прежнемъ величіи. Оно возвышалось въ цилиндрической формѣ, куполъ коего превышалъ почти всѣ деревья, въ саду находившіяся, а шиповникъ увѣнчавалъ своими листьями колонны, поддерживавшія оное, и покрывалъ мраморныя стѣны влажною зеленью. Анастасія отворила боковую дверь, ведущую въ поле, изъ которой представилось имъ множество видовъ пластической красоты, до тѣхъ поръ Зобеидою еще никогда не виданныхъ. Оттуда повела ее Анастасія въ другую половину, гдѣ ужасно царствовавшая темнота поразила Зобеиду до того, что она не могла долѣе глазъ

оставаться, отправилась поскорѣй въ прежнюю половину, гдѣ, найдя софу, сѣла отдохнуть. Въ это время, она услышала чей-то мужской голосъ, который, казалось, говорилъ на неизвѣстномъ ей языкѣ; наконецъ вскорѣ послѣ ею слышаннаго молодой невольникъ вошелъ въ ту комнату, въ которой она находилась.

Онъ, сложа крестообразно руки и нагнувшись почти до самой земли, просилъ у нее прощенія, что осмѣлился войти въ сіе мѣсто, никакъ не предполагая, чтобы онъ могъ кого нибудь здѣсь найти. Зобеида тотчасъ узнала планъ Анастасіи, которая такъ умѣла все сдѣлать для ея угожденія. Она не могла быть равнодушною въ присутствіи того человѣка, котораго страстно, пламенно любила; а мысль, что она безопасно можетъ здѣсь съ

нимъ видаться и разговаривать, доставляла ей неизъяснимое удовольствіе, которое, подобно электрической искрѣ, потрясало ея душу.

Какъ смущеніе, такъ вмѣстѣ съ тѣмъ и сердечное біеніе, которое она ощущала въ то время въ своей груди, заставляли ее на нѣсколько времени хранить молчаніе, а Петрусь, видя оное и не зная самъ, что ему дѣлать, хотѣлъ наконецъ уйти; но Анастасія, замѣтивъ это, схватила его за руку, и сдѣлала ему знакъ, чтобы онъ остался.

» Не бойтесь ни чего,« сказала Анастасія, »и радуйтесь, благородный плѣнникъ, что эта счастливая минута свела васъ съ дочерью знаменитаго Паши; останьтесь здѣсь, будьте откровенны и вы навѣрное чрезъ это найдете себѣ благодѣтеля. «

Эти слова дали время Зобеидѣ оправиться; она нѣсколько ободрилась, и не смотря на безпокойство, продолжавшееся еще въ душѣ ея, не смотря на тотъ образъ, который не переставалъ занимать ея воображеніе и теперь присутствовалъ при ней, она чувствовала неизъяснимое удовольствіе. Зобеида обратилась къ плѣнику, ласковымъ взглядомъ дала ему знать, чтобы онъ былъ вольнѣе и сѣлъ бы подлѣ нее. Петрусь въ это время былъ у дверей, онъ не могъ не быть въ замѣшательствѣ; да и могъ ли онъ открыть то, что тогда ощущало его сердце? Анастасія, примѣтивъ его сильное смущеніе, рѣшилась подвести его къ Зобеидѣ и попросить сѣсть. Петрусь вышелъ изъ смущенія, примѣтно пришелъ въ себя и подалъ наконецъ дочери Паши нѣ-

сколько принесенныхъ имъ изъ парка цвѣтовъ.

» Вѣроятно, сіи цвѣты, благородный плѣнникъ! есть ни что иное, какъ плоды вашихъ бѣдствій, вашего несчастнаго рока, опредѣлившаго вамъ теперь жилищемъ чуждую и отдаленную страну?« сказала ему Зобеида довольно хорошо по Французски.

Петрусь при этихъ словахъ былъ пораженъ какъ будто бы громомъ. Знакомый ему языкъ, сожалѣніе знаменитой Музульманки, ея великодушіе, все это вмѣстѣ заставляло въ дочери варварскаго Паши признать своего Ангела-покровителя. Петрусь бросился предъ нею на колѣни; но не съ рабскою покорностію невольника, а съ видомъ благодарности, уваженія и любви.

»Я долженъ почитать васъ, какъ моего благодѣтеля, сожалѣющаго о моихъ бѣдствіяхъ, и исторгающаго меня изъ пропасти, въ которую я былъ ввержен рукою жестокосердаго вашего отца.«

Зобеида покраснѣла, видя предъ собою стоящаго на колѣняхъ молодаго невольника. Его черные глаза сверкали какимъ-то огнемъ, его крестообразно сложенныя руки показывали какую-то покорность, заставившую ее невольно хранить молчаніе. Она, нагнувъ свою голову, съ примѣтною пріятностію перебирала лилейными своими пальцами поднесенные ей цвѣты; наконецъ сказала Петрусю, что бы онъ старался освободиться изъ сего тягостнаго и несноснаго плѣна.

»Душевно васъ благодарю, благородная Музульманка!« сказалъ онъ. »Всѣ

способности души моей не въ силахъ изобразить вамъ моей признательности, и мнѣ остается только то, чтобы просить объ васъ Всевышняго, дабы Онъ наградилъ васъ за ваше человѣколюбіе. «

Сіи слова — сей важный тонъ, которымъ Петрусь произнесъ оныя, проникнули въ трепещущую душу Зобеиды.

— Я все знаю, глубоко вздохнувши сказала она Петрусю. Я старалась побѣдить мою чувствительность, видѣвши, какъ вы хладнокровно переносили тягость судьбы; но не могла сего сдѣлать. Сожалѣніе наконецъ восторжествовало надо мной: я рѣшилась вамъ покровительствовать.

— Всѣ ваши благодѣтельныя чувствованія, всѣ ваши состраданія, ока-

зываемыя надъ несчастными плѣнниками, обнаруживаютъ благородство вашей души, великодушіе вашего сердца, а о собливо надо мной вполнѣ подтверждаютъ эту истину, подтверждаютъ оную надъ тѣмъ человѣкомъ, который изъ любви къ отечеству жертвовалъ своею жизнію и, къ несчастію, не лишился ее, но долженъ оную влачить въ этихъ мѣстахъ, долженъ терпѣть столько бѣдствій, и если бы не вы, великодушная дѣва, вливали въ сердце несчастнаго плѣнника бальзамъ утѣшительной радости, то, можетъ быть, давно бы онъ угасъ, какъ дымящееся пламя въ непроходимой пустынѣ, давно бы прахъ мой былъ свѣянъ бурнымъ вѣтромъ съ лица земли.

Зобеида, будучи тронута словами Петруся, сдѣлала ему знакъ встать, ибо онъ во все это время стоялъ предъ

нею на колѣняхъ, что казалось ей унижало его. Онъ ей повиновался.

Послѣ молчанія, продолжавшагося нѣсколько времени, наконецъ сказала ему Зобеида: »Христіянинъ! скоро, можетъ быть, наступитъ то время, какъ ваши родственники, ваши друзья, пришлютъ къ отцу моему достаточную сумму денегъ для вашего выкупа: тогда вы оставите сіи мѣста, удалитесь къ своимъ друзьямъ, къ своимъ роднымъ, и, увы! тогда глаза Зобеиды не будутъ васъ болѣе встрѣчать здѣсь! Что тогда я буду дѣлать, кому буду покровительствовать, объ комъ заботиться? Вотъ о чемъ я хотѣла спросить у васъ и узнать ваши мысли.«

Петрусь задумался.

»При томъ же я слыхала отъ окружавшихъ васъ плѣнниковъ,« про-

должала Зобеида, »что прежде, чѣмъ Алла опредѣлилъ вамъ быть въ рукахъ отца моего, вы были въ вашемъ отечествѣ человѣкомъ довольно замѣчательнымъ.«

— Точно, сказалъ Петрусь вздохнувши, это подтверждала довѣренность моихъ соотечественниковъ и преданность друзей моихъ.

»И такъ, почему же до сихъ поръ ваши родственники не пришлютъ вамъ такой суммы денегъ, которая была бы достаточна для искупленія вашей свободы?«

— Потому, отвѣчалъ Петрусь, что состояніе моихъ родителей не позволяетъ сдѣлать этаго; ибо той суммы денегъ, которую требуетъ Паша, не могутъ они собрать, а чрезъ это самое я теряю сладостную надежду выкупиться.

» Однако же я знаю характеръ отца моего: онъ будетъ поступать съ вами безчеловѣчнымъ образомъ, почему прошу васъ, даже умоляю, старайтесь, сколько возможно, получить себѣ свободу. «

— Ваши увѣренія, сударыня, и ваши милости, которыми я наслаждался и теперь наслаждаюсь, служатъ утѣшеніемъ несчастному плѣннику.

» О! прошу васъ, не говорите вы мнѣ никогда такимъ тономъ! Пожалуйста не унижайте себя, и съ тѣмъ вмѣстѣ вашего постоянства и вашего терпѣнія. «

— Ахъ! сударыня, горестно сказалъ Петрусь, не расточайте на меня тѣхъ похвалъ, коихъ вовсе я не стою. Если я еще не преданъ былъ совершенно въ руки палачей и остал-

ся въ живыхъ, но благодарю Бога, что Онъ далъ мнѣ время исправиться въ моемъ поведеніи!

» Въ вашемъ поведеніи? « вскричала изумленная Зобеида.

— Да, сударыня, именно въ поведеніи; ибо вѣрьте вы угрызенію совѣсти того несчастливца, котораго видите предъ собою. Тогда, какъ счастіе сопровождало, можно сказать лелѣяло меня, когда начальники любили, и когда мы стремились къ одной предназначенной цѣли для славы своего отечества, тогда я пренебрегалъ своими друзьями, позабылъ все святое, и шелъ избранною мною самимъ дорогою.

» *Нѣтъ, Петру́сь! вы никогда въ этомъ не увѣрите меня; это ложь, вы этаго никогда не дѣлали.* «

— Увѣряю васъ, что я это дѣлалъ;

ибо чувствую что дѣла мои унижаютъ мое рожденіе. Это говоритъ вамъ моя совѣсть. Ахъ! если бы смертному можно было проникать въ эту таинственницу и читать опредѣленіе ея! (Нѣсколько помолчавъ). На что мнѣ въ этомъ увѣрять васъ! довольно того, если я скажу, что я былъ вѣтренъ, молодъ и безразсуденъ.

»Между же тѣмъ, я знаю,« сказала Зобеида, »что ваши соотечественники васъ любятъ, они оплакиваютъ ваше несчастіе; по этому вы, какъ храбрый воинъ, должны со мною согласиться, что вы все сдѣлали для вашего Царя и вашего отечества.«

— Совсѣмъ нѣтъ, я не сдѣлалъ ничего; да хотя бы и сдѣлалъ, то все такъ не исполнилъ истиннаго своего предназначенія; ибо мы должны же-

лать добра не только для себя, но даже и для другихъ: тогда только мы можемъ назваться честными и полезными. Твореніе рукъ Божіихъ обязано своею благодарностію Создателю, а моя гордость чуждалась собранія людей мнѣ равныхъ; она мнѣ говорила, что *я всѣхъ ихъ лучше и умнѣе. Я желалъ блистать славою*, но ее не имѣлъ; совѣты, примѣры и наставленія другихъ на меня не дѣйствовали; наконецъ что же?... *Я попалъ съ моею гордостію въ плѣнъ къ непріятелю, и непріятелю жестокому*

»Несчастный!...« сказала Зобеида самой себѣ. » Я воображаю то мучительное *состояніе, въ какомъ ты тогда находился!* «

Петрусь, потупя глаза свои въ землю, нѣсколько времени молчалъ и хотѣлъ, казалось, измѣрить предъ Зо-

бендою всѣ ужасы прежней своей судьбы.

— Я краснѣю, сказалъ онъ Зобеидѣ, разсказывая вамъ всѣ произшествія моей жизни. Но такъ и быть, мое сердце заставляетъ меня дѣлать это, и я ничего не могу скрыть отъ васъ. Я нѣсколько разъ покушался лишить себя жизни. Но что съ вами дѣлается? Вы, кажется мнѣ, дрожите? вы отвращаете отъ меня ваши взоры? вы хладнокровны предъ тѣмъ, который не можетъ равнодушно глядѣть на бѣдствія каждаго несчастливца? Я жилъ; невидимое, но милостивое Провидѣніе удерживало меня нѣсколько разъ на краю пропасти. Но однажды, это было въ то роковое время, когда предался я ужаснѣйшему разврату, нестерпимому отчаянію, и даже теперь чувствую какую-то дрожь при вспо-

минаніи объ этомъ. Тогда въ полной мѣрѣ узналъ я судьбы Вышняго, судьбы мнѣ покровительствовавшія, и заставившія невольно вспомнить цѣль существованія моего, вспомнить моихъ родителей и — милыхъ для моего сердца людей! Я тогда палъ ницъ предъ изображеніемъ Спасителя, призналъ мои погрѣшности, слабости, пороки и — раскаялся.

Тутъ Петрусь пересталъ говорить, и Зобеида также ни чего не отвѣчала. Онъ только могъ видѣть, сквозь покрывавшій ея лице вуаль, текшія изъ глазъ слезы, которыя однакожъ она старалась удержать, но онѣ были невольны. Это Петруся ужасно тронуло: онъ заплакалъ самъ. Между тѣмъ продолжалъ:

» Съ того времени вѣра въ Божественное Провидѣніе начала дѣйство-

вать надо мной удивительнымъ образомъ. Я теперь вижу, что Оно же въ васъ возбудило ко мнѣ сожалѣніе, дабы исторгнуть меня изъ бѣдствій, и Оно же лучемъ небесной отрады проникло въ мою душу; слѣдственно могу ли я быть предъ вами неблагодарнымъ, быть равнодушнымъ!«

Слезы, текшія изъ глазъ, долго не позволяли Зобеидѣ отвѣчать; но однакожъ, собравшись съ силами, она сказала со вздохомъ:

— Христіанинъ! вашъ разсказъ и признательность меня тронули, и хотя вы самый несчастный изъ смертныхъ, но при всемъ этомъ вы стоите гораздо лучшей участи. Простите меня за то, что я не имѣю времени больше слушать васъ; но я предполагаю, что мы не въ послѣдній ви-

димся здѣсь разъ. Сказавъ это, Зобеида подала знакъ Непрусю удалиться. Онъ низко поклонился, и сопровождаемый Анаспасіею, которая находилась у дверей, вышелъ изъ бесѣдки.

»Какой чудный человѣкъ!« вскричала Зобеида вставая съ софы, на которой сидѣла, и въ тоже время подняла свой вуаль, и показала возвратившейся Анастасіи заплаканное лице свое, и, казалось, не могла ничего сказать болѣе.

»Что съ вами дѣлается, моя милая?« сказала съ ужасомъ Анастасія »Вы, кажется мнѣ, больны?«

— Нѣтъ, Анаспасія, я не больна тѣлесно; но скажи мнѣ, какъ я могу назвать болѣзнь ту, отъ которой страждетъ сердце. Впрочемъ я бы желала, чтобы эта болѣзнь сопровождала всю мою жизнь. Анастасія, ска-

жи мнѣ, какимъ образомъ сей столь благородный человѣкъ столько несчастливъ, терпитъ столько бѣдствій? Множество у отца моего есть плѣнниковъ Христіянскихъ, но ни одинъ изъ нихъ такъ не судилъ, какъ этотъ, и ни объ одномъ я столько не заботилась, какъ объ этомъ. Я не постигаю причины, возбудившей въ душѣ моей къ нему состраданіе. Съ твоей стороны остается теперь вспомоществовать мнѣ въ частыхъ съ нимъ разговорахъ, дабы я могла еще короче узнать характеръ его.—Сказавъ это, Зобеида дала знакъ Анастасіи, чтобы она ушла; а сама предалась пріятному мечтанію о Петрусѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Незнакомка. — Вотъ кто она! — Заѣтный ящичекъ. — Переговоры. — Мечты. — Разговоръ.—Отверженіе предложеннаго подарка.—Плѣнъ.

На другой день рано утромъ, когда Петрусь былъ въ саду съ своими товарищами и занимался рачительно обрабопываніемъ грядъ, садовникъ приказалъ ему, чтобы онъ сходилъ въ гаремъ, къ одной невольницѣ, которая просила принести цвѣтовъ, и его

дожидается. Не теряя времени, Петрусь отправился, и въ назначенномъ мѣстѣ нашелъ незнакомую ему женщину пожилыхъ лѣтъ, его дожидавшуюся, которой отдавъ цвѣты, хотѣлъ поторопиться идти назадъ, опасаясь, чтобы не попасть въ какія нибудь опасныя для него сѣти. Онъ зналъ хорошо, что заведенныя интриги во дворцѣ Паши не другимъ чѣмъ оканчиваются, какъ оковами и темницею; онъ задрожалъ при мысли этой, но съ этимъ вмѣстѣ его подкрѣпляла и сладостная надежда на покровительство Зобеиды.

Въ ту минуту, когда Петрусь успѣлъ принять нѣкоторыя мѣры предосторожности, дабы избѣгнуть могущаго случиться подозрѣнія, онъ услыхалъ голосъ Анастасіи, кликавшей

его къ себѣ. Когда Петрусь къ ней пришелъ, она ему сказала:

— Милостивый государь! прошу васъ остаться здѣсь: я должна сообщить вамъ нѣкоторыя тайны. Насъ никто не можетъ подслушать.

»Сдѣлайте одолженіе,« сказалъ тихо Петрусь, »говорите поскорѣе, мнѣ надобно идти. Но мнѣ нужно сказать вамъ напередъ, что это будетъ стоить моей и вмѣстѣ вашей жизни, если узнаютъ....«

— *Въ отношеніи меня ни мало не* безпокойтесь, лишь бы только кто не подслушалъ насъ здѣсь.

»И такъ говорите,« сказалъ Петрусь *скоро и съ примѣтнымъ нетерпѣніемъ.*

— Вашъ разговоръ, начала Анастасія, который имѣли вы вчера съ мо-

ею повелительницею, произвелъ надъ ней глубокое впечатлѣніе.

Петрусь молчалъ.

— Она безпрестанно говоритъ мнѣ объ васъ, вашемъ умѣ, и вмѣстѣ о вашей преданности къ Божеству.

» Вы вѣроятно, сударыня, « говорилъ Петрусь, » пришли сюда единственно для того, чтобы мнѣ льстить? Знайте, это не доставитъ вамъ чести. Скажите мнѣ откровенно, какая цѣль ваша?... «

— Я вижу, Петрусь, что вы начинаете сердиться, начинаете мнѣ не довѣрять. Я говорю истину. Къ тожу же я много предана моей повелительницѣ. Дѣлайте наблюденіе съ своей стороны и вы подтвердите истину словъ моихъ. Теперь же знайте, что вы своимъ разговоромъ, своими религіозными чувствами сдѣлали на душу Зобеиды

сильное впечатлѣніе. Я не стану всего пересказывать вамъ, не стану увѣрять въ расположеніи моей повелительницы: ибо вы это почтете за лесть; скажу только о томъ, что во время вашего разсказа, вы видѣли сами, она не могла быть равнодушною, слыша отъ васъ объ той религіи, въ которой Зобеида была воспитана сама, и правила которой были ей внушены ея матерью.—Сіи послѣднія слова Анастасія произнесла такъ тихо, что Петрусь долженъ былъ нагнуться, дабы оныя выслушать.

— Ея мать, сказалъ Петрусь съ примѣтнымъ удивленіемъ, знала правила нашей Святой истинной Религіи?

»Могла ли она ихъ не знать,« отвѣчала Анастасія, »когда она привезена была въ Константинополь въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ сво-

сй юности, слѣдственно она уже знала о правилахъ той Религіи, въ которой воспитали ее родители. Я скажу только то, что мать Зобеиды славилась красотою во всемъ сералѣ и была самою любимѣйшею наложницею Гамза-Бея. Рожденіе сей дочери, которая вамъ покровительствуетъ, стоило ей потери здоровья. Съ этихъ поръ начала она часто дѣлаться больною, и когда Зобеидѣ исполнилось ровно тринадцать лѣтъ, мать ея приблизилась къ предѣламъ гроба. Покойница призвала тогда меня къ своему смертному одру, ввѣрила Зобеиду моимъ попеченіямъ, открыла мнѣ, что Зобеида Христіянка, и о себѣ сказала, что она есть отрасль одной важной Италіянской фамиліи. Передъ смертію она отдала мнѣ ящичекъ, въ коемъ будто бы находятся драгоцѣнныя

вещи, какъ сказала покойница, и отдала съ тѣмъ условіемъ, чтобы я ихъ берегла до тѣхъ поръ, пока Зобеида выдетъ за мужъ. «

» Вы и теперь еще обладаете этимъ сокровищемъ? « спросилъ Петрусь.

— Да, отвѣчала Анастасія, и я сохраняю его, какъ таинственный залогъ; къ тому же онъ есть память матери Зобеиды, а по этой причинѣ я не смѣю никогда открыть его.

» Точно, вы должны, « сказалъ Петрусь, »ввѣренное вамъ беречь, ибо это составляетъ собственность Зобеиды. Но скажите ради Бога, за чѣмъ вы все это разсказываете мнѣ? «

— Прошу васъ, говорила Анастасія, ни чего здѣсь не подозрѣвать страннаго, ибо, какъ я въ послѣдствіи успѣла узнать отъ умиравшей, что Зобеида была тайно крещена

и воспитана въ Христіянствѣ. Я видѣла на опытѣ, съ какою жадностію, когда мы бывали наединѣ, слушала меня Зобеида читающую ей нѣкоторыя священныя книги. Увидавъ это, я рѣшилась сіе малое растѣніе воспитывать на почвѣ Христіянской, дабы въ послѣдствіи времени пользоваться его трудами.

»И такъ Зобеида Христіянка еще до сихъ поръ?« скоро спросилъ Петрусь.

— Я объ этомъ вамъ говорю, и вы не думайте, чтобы я оставила въ пренебреженіи тотъ случай, который давалъ мнѣ счастіе оплодотворять и укрѣплять въ юномъ сердцѣ Зобеиды сѣмяна, посѣянныя ея покойною матерью. Зобеида слушала меня всегда со вниманіемъ; я находила въ ней гордость матери и непреклонный

характеръ отца, но я старалась искоренять это, и могу сказать, что умѣла внушить ей другія мысли и другія чувствованія.

Нетерпѣливый Петрусь, слыша разсказъ этотъ, рѣшился прервать оный. Онъ сказалъ: »Все это дѣлаетъ вамъ честь и приноситъ похвалу; но позвольте опять спросить васъ, для чего вы все это разсказываете мнѣ? «

— Прошу васъ, Петрусь, отвѣчала Анастасія, выслушать меня до конца. Зобеида, продолжала она, долго не постигала совершенно правилъ той Божественной Религіи, которая оживотворяетъ сердца и души. Свиданіе и разговоръ съ вами сдѣлали надъ ней большое вліяніе. Она не только говоритъ о васъ съ самой выгодной стороны, но вмѣстѣ съ этимъ васъ почитаетъ. Ей хочется чаще съ вами

видаться и хорошенько узнать о тайнахъ истинной, Святой, Небесной Религіи. О Петрусь! присовокупила Анастасія, сложа крестообразно на грудь свои руки и обратя на него умильный взглядъ, не оставьте безъ вниманія благаго намѣренія доброй Зобеиды, подайте ей спокойствіе и утѣшеніе!

Этотъ разсказъ удивительнымъ образомъ поразилъ Петруся. Зобеида его любитъ, почитаетъ его, имѣетъ къ нему довѣренность и сверхъ всего этаго онъ еще долженъ быть спасителемъ души ея. Все это живо представлялось разстроенному воображенію Петруся.

Онъ долго молчалъ, и Анастасія съ нетерпѣніемъ ожидала его отвѣта.

»Вашъ разсказъ,« наконецъ сказалъ Петрусь, »требуетъ многаго и вмѣ-

стѣ долгаго времени на размышленіе; ибо исполнить ваше требованіе вдругъ не льзя.«

— По крайней мѣрѣ, говорила Анастасія, сдѣлайте одолженіе, не оставте моей просьбы въ пренебреженіи, скажите мнѣ, что вы думаете объ этомъ, и какъ еще я васъ просить должна?

»Я уже сказалъ вамъ,« отвѣчалъ Петрусь, »что я не могу такъ скоро на это великое дѣло рѣшиться. Если мы встрѣтимся еще когда въ этомъ мѣстѣ, тогда можемъ болѣе поговорить объ этомъ, а теперь прощайте; къ тому же, вы знаете, что меня дожидаются.« — Тутъ Петрусь хотѣлъ уйти, но Анастасія его удержала.

— Еще одно слово позвольте у

васъ спроситъ: когда моя повелительница можетъ видѣться съ вами?

»Это совсѣмъ зависитъ не отъ меня,« отвѣчалъ Петрусь. Она сама можетъ назначить мнѣ какъ мѣсто, гдѣ я могу съ нею видѣться, такъ и самое время.«

— Согласна, и вы также узнаете, что теперь, можетъ быть, гораздо свободнѣе. Гамза-Бей, по случаю заключенія переговоровъ съ вашими соотечественниками, находится въ Венгріи; онъ долго пробудетъ тамъ, и мы, пользуясь его отсутствіемъ, можемъ находить случай гораздо чаще быть вмѣстѣ.

Поклонившись Петрусю, Анастасія медленными шагами отъ него пошла, оставя его занятымъ различными размышленіями.

»Я не знаю,« разсуждалъ Петрусь самъ съ собою, »въ чемъ будетъ состоять моя свобода? Не въ надеждѣ ли на Зобеиду, которая возбуждаетъ въ моемъ тоскующемъ сердцѣ великодушіе къ ней? Не въ томъ ли, что я буду менѣе работать, но все таки работать и быть подъ властію садовника? О Петрусь, Петрусь! не будь слишкомъ довѣрчивъ, не будь ослѣпителенъ въ глазахъ своихъ, видя предъ собою восточный деспотизмъ и коварныя души, тебѣ льстящія; не погрузись опять въ пропасть новыхъ бѣдствій, и бѣдствій, еще ужаснѣе настоящихъ!... Неужели эта Анастасія, или можетъ быть Зобеида, хочетъ завести со мною связь; неужели онѣ думаютъ, что я еще никого не люблю, что о которой нибудь могу только думать, что я позабуду мою

милую Проню?... Нѣтъ! этаго быть не можетъ. Но я долженъ быть спасителемъ Зобеиды. Такъ — это дѣло богоугодное, похвальное. Я за это получу награду, если не *здѣсь*, то по крайней мѣрѣ въ жизни *той*.«

Разсуждая такимъ образомъ самъ съ собою, Петрусь между тѣмъ отправился къ своей работѣ.

Вскорѣ послѣ этаго случая, однажды Зобеида, сопровождаемая Анастасіею, прогуливалась въ саду. Идя по одной тѣнистой аллеѣ, ведущей прямо къ гроту, она вдругъ остановилась, какъ будто бы встрѣтивъ какое препятствіе. Тутъ она увидала въ нѣкоторомъ отъ себя разстояніи стоявшаго подъ дубомъ невольника. Онъ былъ погруженъ въ мечтаніе. У его ногъ стояла корзинка, наполненная цвѣтами. Внезапный шумъ,

произшедшій отъ шаговъ Зобеиды и Анастасіи, заставилъ Петруся взглянуть вокругъ него. Встрѣтивъ предъ собою Зобеиду, онъ изумился. Петрусь, по видимому, былъ готовъ удалиться, но Зобеида его остановила и просила, чтобы онъ этаго не дѣлалъ и впредь, и былъ бы съ нею откровеннѣе.

Отворились двери ближайшей бесѣдки. Зобеида вошла туда; по сдѣланному знаку послѣдовалъ за ней и Петрусь. Наконецъ дочь могущественнаго Паши подала знакъ Анастасіи, чтобы она удалилась. Вѣрная подруга исполнила желаніе своей повелительницы.

»Мы здѣсь одни,« сказала Зобеида, по уходѣ Анастасіи, »и такъ намъ опасаться нечего. Я хочу, Петрусь, просить васъ чаще мнѣ разсказывать объ вашей Святой Религіи. Вы не

можете себѣ вообразить, какъ на душѣ моей дѣлается легко, когда вы говорите объ этомъ.«

Петрусь, нагнувъ голову и сложивши крестообразно руки, далъ знакъ Зобеидѣ, что онъ готовъ исполнить ея желаніе.

Зобеида продолжала.

»Вы въ прошедшій разъ мнѣ сказали, будто бы не можете искупить себѣ свободы, именно потому, что ваши родители не могутъ собрать достаточной суммы для вашего выкупа?«

— Точно такъ, отвѣчалъ Петрусь, тяжело вздыхая.

»Такъ прошу васъ,« говорила Зобеида, »объ этомъ не заботиться. Я— преданная вамъ, знаю одно средство, чрезъ которое вы можете быть свободны.«

При этихъ словахъ Зобеида подала Петрусю ящичекъ, окованный золотомъ, который она скрывала подъ своимъ покрываломъ.

— Эта бездѣлица, сказала она, будетъ достаточною цѣною для вашей свободы; посредствомъ оной вы можете видѣться съ вашими родственниками и разорвать связывающія васъ оковы поносной неволи.

Петрусь слушалъ ее съ большимъ вниманіемъ, а при видѣ поданнаго ему ящика онъ изумился. Чувство благодарности и скорость, съ которою бросился онъ къ Зобеидѣ въ ноги, лишили его словъ, чтобы высказать въ туже минуту свою благодарность. Онъ обратилъ только на Зобеиду наполненные слезъ глаза, и прижалъ къ своимъ дрожащимъ губамъ ящикъ.

»Существо великодушное!« сказалъ

наконецъ Петрусь, придя въ себя отъ радости, »твои благодѣянія превосходятъ всѣ мои благодарности! Я чувствую теперь, Зобеида, все величіе вашей благородной души, и благодарю васъ всѣми чувствами моей души и сердца; но простите великодушно, если я смѣю отвергнуть ваше предложеніе.«

— Какъ! вскричала изумленная Зобеида, вы отвергаете мой подарокъ? По этому вы не хотите пользоваться свободою?

»Сердце мое съ нетерпѣніемъ ожидаетъ той радостной минуты, въ которую возможно будетъ мнѣ увидѣться съ моими родственниками; но разсудите, если вашъ отецъ узнаетъ, что я ни откудова не получалъ денегъ, а только вы, благодѣтельное существо, мнѣ дали оныя, то скажите,

что тогда будетъ ожидать меня, а также, можетъ быть, и васъ?«

— Я съ этимъ согласна; но впрочемъ будьте увѣрены, что данный вамъ ящикъ составляетъ мою собственность. Мать моя предъ своею смертію оставила мнѣ его въ знакъ своего благословенія, въ знакъ ея ко мнѣ любви, по этому случаю я могу имъ располагать, какъ хочу. Я могу отдать его даже послѣднему своему невольнику.

» Въ этомъ я съ вами согласенъ; но при всемъ томъ смѣю вамъ повторить, что я его не приму. Вы должны, Зобеида, повиноваться вашему отцу со всею дѣтскою покорностію, каковъ бы онъ ни былъ, хотя бы онъ былъ самый злѣйшій варваръ; а своимъ неповиновеніемъ, или тайнымъ дѣйствіемъ пропивъ его воли, вы на-

рушаете священнѣйшія узы, которыя связываютъ насъ съ родными, съ нашими кровными. Можетъ быть, по мнѣнію вашему, я ошибаюсь въ своемъ сужденіи, но знайте, что мы имѣемъ чистый и святый Законъ, данный намъ Богомъ, чрезъ Моисея, на горѣ Синайской, который заключается въ десяти заповѣдяхъ, и изъ коихъ пятая повелѣваетъ намъ почитать своихъ родителей, за что и обѣщаетъ намъ неизрѣченное утѣшеніе въ будущности и долгодействіе на землѣ. А всѣ мы должны жить по закону Божію, не отступая отъ онаго ни въ какихъ случахъ. Что же касается до васъ, то я чувствую, что моя благодарность, которую готово воздать сердце мое, недостаточна за ваши благодѣтельныя намѣренія; я клянусь вѣчно быть вамъ признательнымъ и покорнымъ; но что

же касается до вашей милости, то я ни за что не приму ее.«

— Почему же, сказала Зобеида, не хочете принять оную?

»Я уже сказалъ, что не хочу лишать васъ и малѣйшей обязанности, которую вы должны соблюдать къ *отцу* своему. *Вы, которую я столько почитаю и которой желаю всѣхъ* благъ сего міра, вы должны жить на свѣтѣ единственно для того, чтобъ по всюду разливать ваши благодѣянія! Вы *должны*,« присовокупилъ Петрусь съ энтузіазмомъ, »быть счастливой на землѣ, и быть таковою, какъ самая добродѣтель, руководящая вами. Повинуйтесь безпрекословно волѣ вашего отца и, прошу васъ, не дѣлайте ни чего ему противнаго.«

Энтузіазмъ, съ которымъ говорилъ

Петрусь, самый видъ выраженія его лица и благородный поступокъ, придавали ему въ глазахъ Зобеиды еще болѣе цѣны. Она подала ему въ знакъ согласія руку, которую Петрусь поцѣловалъ.

Послѣ этаго Зобеида, собравшись съ силами, сказала ему: »И такъ я вамъ вѣрю и прошу забыть все произходившее между нами; прошу также о томъ, чтобы ни кто объ этомъ не зналъ, даже и Анастасія—понимаете?«...

Петрусь, въ знакъ согласія, кивнулъ головою.

Зобеида позвала Анастасію, которая не замедлила явиться. Она, принесши съ собою корзинку, наполненную цвѣтами, и предполагая, что весь разговоръ ея повелительницы былъ объ одной Религіи, казалось, была этимъ довольна.

Вскорѣ послѣ этаго Зобеида, оставивши Петруся одного, отправилась съ Анастасіею.

Бѣдный благородный невольникъ по прежнему занялся обработываніемъ сада, и уже прошло послѣ этаго свиданія нѣсколько дней, какъ онъ не видалъ ни Анастасіи, ни Зобеиды, и не зналъ къ чему должно было приписать это.

Однажды вечеромъ услыхалъ Петрусь отъ одного работавшаго съ нимъ невольника, что Гамза-Бей, съ Абдургаманомъ отправившіеся для переговоровъ съ Русскими и коихъ не заключили, но только имѣли рѣшительное сраженіе, во время котораго Абдургаманъ попался въ плѣнъ, и Бей находился въ великой печали. Онъ не зналъ, что ему дѣлать, и говорили, что Бей не иначе можетъ выкупить свободу Абдургаману, какъ заключивъ міръ на самыхъ

невыгодныхъ для него условіяхъ, и вмѣстѣ съ этимъ возвративъ всѣхъ находившихся у него плѣнниковъ. Петрусь опъ этаго извѣстія былъ въ восхищеніи. Онъ сталъ ожидать съ нетерпѣніемъ той минуты, въ которую увидитъ свое любезное отечество и свою милую Проню.

Слухъ былъ истиненъ. Точно, по заключеніи условій, Бей долженъ былъ оппустить всѣхъ находившихся у него плѣнниковъ, въ томъ числѣ и Петруся.

Каково было удивленіе этаго несчастнаго, когда съ пріѣздомъ Бея онъ получилъ свободу, и былъ назначенъ день, въ который плѣнники должны были оставить мѣсто своего заточенія.

Зобеида объ этомъ ничего не знала; но однимъ утромъ она услышала опъ

одной изъ своихъ невольницъ, что Паша отпускаетъ всѣхъ Русскихъ плѣнниковъ въ ихъ отечество, и собственно потому, чтобы также была дарована свобода и Абдургаману.

Зобеида съ примѣтнымъ удивленіемъ спросила у находившейся при ней Анаспасіи: справедливо ли то что будетъ свободенъ и Петрусь?

— Да, повелительница, отвѣчала Анаспасія, я также объ этомъ слышала.

»Да благословитъ его Богъ!« сказала тихо Зобеида, сложа крестообразно свои нѣжныя руки и возведя наполненные слезъ глаза свои на небо.

Она встала, подошла къ своимъ невольницамъ, и сказала:

»Не будьте жестоки, и не ругайте отпускаемыхъ плѣнниковъ.«

— Напротивъ, наша милостивая повелительница, отвѣчали невольницы,

мы этому душевно радуемся. Сіи невѣрные такіе же люди, какъ и мы. Они много терпѣли бѣдствій, а особливо тотъ изъ нихъ, который имѣетъ высокій ростъ, котораго, мы думаемъ, изволили вы встрѣчать въ саду, и который, какъ говорятъ, будто бы знатной фамиліи. Какъ онъ теперь будетъ радъ вырвавшись на свободу!...

При этихъ словахъ Зобеида задрожала, помертвѣла; она не умѣла равнодушно принять слышаннаго.

»Вотъ я чего боюсь,« сказала Анастасія пришедшей въ себя Зобеидѣ, поддерживая ее своими руками. »Вотъ почему не могу я радоваться свободѣ Пепруся. Ахъ! благополучіе ваше несравненно хуже его!«

Зобеида, ни чего не отвѣчая, упала опять на софу, опустила свою голову

на руки Анастасіи, и слезы ручьями полились изъ глазъ ея. Тщетно вѣрная подруга утѣшала ее, уговаривала, дѣлала совѣты: Зобеида.... ни чего не слыхала.

Когда дочь Гамза-Бея пришла въ себя, то, приподнявъ голову и обративъ свои взоры на Анастасію, она сказала:

» Такъ, чтобы быть счастливымъ, онъ насъ долженъ оставить. (Храня нѣкоторое молчаніе). Постигаешь ли ты, Анастасія, то блаженство, которое ожидаетъ его? «

— О, оно неизъяснимо! отвѣчала Анастасія. Оно для него и всѣхъ ихъ близко, ибо вашъ отецъ приказалъ уже Евнухамъ, чтобы была въ готовности для отпускаемыхъ плѣнниковъ приличная одежда; даже говорятъ, что хотятъ ихъ отсюда отправить нын-

че же, а болѣе потому, чтобы скорѣе видѣпься Бею съ Абдургаманомъ, также находящемся въ плѣну.

»Какъ! въ плѣну и Абдургаманъ?« спросила Зобеида. И ты говоришь правду?«

— Да развѣ я когда нибудь лгала вамъ?

»И такъ, Анастасія, пойди, отыщи скорѣй Петруся, и скажи ему, что онъ свободенъ; а также скажи, чтобы онъ не забылъ со мною проспипься. Можетъ быть я увижусь съ нимъ въ послѣдній разъ.«

Анастасія вышла.

»Увы! въ послѣдній разъ!« вскричала Зобеида по уходѣ Анастасіи и приходя въ отчаяніе.

Слезы ручьями потекли изъ глазъ ея.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Разговоръ Анастасіи съ Петрусемъ. — Намѣренія Зобеиды бѣжать. — Откровенность. — Отъѣздъ Петруся. — Нечаянная тревога. — Опасность.

Спокойный и прохладный вечеръ замѣнялъ уже Восточный палящій дневный жаръ, когда вѣрная Анастасія отправилась изъ комнаты своей повелительницы.

Воздухъ въ это время наполненъ былъ различными благоуханіями, про-

исходящими отъ ароматическихъ растѣній природы Востока. По всюду господствовала спокойная тишина, изрѣдка прерываемая только легкимъ дыханіемъ роскошнаго Зефира, порхавшаго по листьямъ деревъ, или слышны были отголоски сладкозвучнаго соловья, этаго любовника розы, который плѣнялъ всѣхъ своею мелодіею. Анастасія шла по узенькой тропинкѣ, извивавшейся между кустарниками; ея душа была наполнена различными мечтаніями, различными воспоминаніями прошлаго, и вмѣстѣ съ этимъ скорбѣла, какъ скорбитъ нѣжная мать, лишившаяся единственнаго своего дѣтища.

»Гдѣ ты теперь, Петрусь?« думала Анастасія. »Получилъ ли свободу? оставишь ли сіи мѣста? Оставишь ли! что говорю я! Ты долженъ ихъ оставить;

ты оставишь эту тѣнистую рощу, эту рѣку, берега которой запечатлѣны твоею кровію, твоими трудами, попеченіями и работами; эти столѣтнія дерева и они наконецъ лишатся твоихъ взоровъ, и они сѣтуютъ объ твоемъ отсутствіи. Что же будетъ съ той, которая тебя любитъ, благополучіе и радости которой состояли только въ томъ, чтобы часто тебя видѣть. Увы! Непрусь, гдѣ найти тебя, скажи мнѣ? Явись мнѣ хотя въ видѣ тѣни, явись для Зобеиды, простись съ нею и тогда пускай неумолимая судьба раздѣлитъ васъ на вѣки!«

Такъ мечтала Анастасія, приближаясь къ нѣкоторому числу людей, которые, какъ ей казалось издали, что-то укладывали, объ чемъ-то переговаривались между собою, и были, такъ

сказать, въ нѣкоторомъ восхищеніи. Подойдя къ нимъ ближе, она замѣтила довольно статнаго собою мущину, окруженнаго по видимому прочими его единоземцами, которые почтительно выслушивали приказанія, гордились своею свободою, и только ожидали той минуты, въ которую бы имъ можно было оттуда поскорѣй уѣхать.

Анастасія затрепетала, невольно остановилась, ибо узнала, что начальникъ сихъ людей былъ тотъ невольникъ, къ которому ее послала повелительница. »Петрусь!« воскрикнула она въ восхищеніи души своей; но больше она немогла говорить ни чего. Ея ноги подкосились, она упала какъ бы нѣжный цвѣтокъ, смятый ногою пупника.

Петрусь, узнавшій Анастасію, скоро побѣжалъ къ ней. Она лежала на

землѣ, блѣдная какъ смерть, испуганная какъ молодая серна; на лицѣ ея замѣтно было сильное волненіе, что все сіе заставило предположить Петрусю, не случилось ли какого несчастія. Но она скоро пришла въ себя.

»Что въ вами сдѣлалось, Анастасія? за чѣмъ вы здѣсь и въ такую пору? спросилъ Петрусь.

— Ахъ, Петрусь, наконецъ сказала Анастасія; я должна, я прислана сюда отъ моей повелительницы увѣдомить васъ о нашемъ горѣ и вашей радости.

Что такое? я васъ не понимаю! « сказалъ смущенный Петрусь.

— Помните ли вы ту бесѣдку, въ которой нѣкогда проводили время съ Зобеидою, вы ее оставите, вы наконецъ оставите Зобеиду? Вы оставите ту, которой душа наполнена была какимъ-то тайнымъ пламенемъ,

какимъ - то сладостнымъ чувствомъ, что заставляло думать ее объ васъ, думать не только днемъ, не рѣдко въ сновидѣніяхъ; она встрѣчала восходъ утра вмѣстѣ съ вами! Но могу ли я пересказать вамъ чувства ея? Скажу только, что она васъ любитъ, любитъ страстно!... пламенно!...

»Такъ скажите-жъ, ради Бога, что мнѣ дѣлать?« отвѣчалъ Петрусь. »Неужели оставаться здѣсь и терпѣть такія бѣдствія, мученія?«

— Совсѣмъ нѣтъ, мы этаго не желаемъ: уѣзжайте поскорѣй отсюда, но только не забывайте Зобеиды; только вы должны проститься съ ней. Я воображаю уже ту минуту, что теперь дѣлается съ нею: она тоскуетъ и плачетъ, и если, Петрусь, вы согрѣты одинаковою съ нею любовію, то

увезите ее съ собою, и тогда спасете кроткую, невинную Зобеиду.

»Мнѣ увезти Зобеиду тогда, какъ она обручена другому? я ни за что въ свѣтѣ не рѣшусь на это! Я люблю ее, по сему и не хочу отнимать у нее тѣхъ богатствъ, которыя ожидаютъ ее въ будущности.«

— Петрусь, сказала Анастасія, знаете ли, когда Зобеида воображала объ этомъ, то въ тоже время воображала и о своемъ счастіи; но думая объ Абдургаманѣ, она воображала только однѣ безчисленныя богатства его, раболѣпныхъ Евнуховъ, блистанія его двора и собственно объ немъ не думала никогда. И такъ почему же вамъ на это не рѣшиться?

» Я знаю, что Зобеида обручена,« сказалъ Петрусь; »знаю, что благополучіе Бея зависитъ отъ Зобеиды, что отъ

ее страстно любитъ: то я и не хочу нарушать семейное счастіе, не хочу повиноваться ея вѣтренности; ибо извѣстно ли ей, что она предавшись мнѣ, ни когда не увидитъ своей родины, что она лишится благополучія, которое ее ожидаетъ, и что лишится на вѣки благословенія родительскаго; а къ тому же ей совершенно не извѣстно время будущее, мрачное и далекое.«

— По крайней мѣрѣ, Петрусь, вы не успѣете ли проститься съ ней?

»На это я согласенъ; только гдѣ могу съ Зобеидою видѣться?«

— На старомъ мѣстѣ, у Испанской бесѣдки; ночью, когда воцарится всюду тишина и молчаніе, мы туда съ нею придемъ.

Утренняя заря начала позлащать Востокъ, когда Анастасія, простившись съ Петрусемъ, отправилась къ Зобеидѣ.

Петрусь, проводивъ Анастасію, долго стоялъ въ глубокой задумчивости, долго смотрѣлъ на палаты Бея, не увидитъ ли огня въ комнатахъ Зобеиды; но все было тщетно: по всюду царствовала глубокая мрачность.

» Что происходитъ съ тобой Зобеида? « говорилъ онъ самъ себѣ, и отправился на задъ къ своимъ единоземцамъ, которые давно съ нетерпѣніемъ дожидались его.

Пришедши къ нимъ, Петрусь нашелъ ихъ въ нѣкоторомъ замѣшательствѣ; они смотрѣли на него съ недовѣрчивостію и, казалось, обнаруживали свое негодованіе. (Петрусь прочелъ это въ ихъ взорахъ).

»Что происходитъ здѣсь?« спросилъ ихъ Петрусь.

— Конечно вы не знаете, говорили они ему, что Бей, по какому-то случаю, въ чемъ-то насъ подозрѣваетъ. Онъ подослалъ отъ себя Евнуховъ, которые примѣчаютъ тайно малѣйшія наши движенія.

»Я не вѣрю,« сказалъ Петрусь, »что бы Бей рѣшился смотрѣть за нами: это ложь, выдумка; впрочемъ, мы уѣдемъ отсюдова нынче ночью. Приготовьте лошадей, достаньте мои вѣщи; я наряжусь въ воинскій нарядъ, и поломъ, когда будемъ готовы, всѣ ѣдемъ.«

Петрусь надѣлъ на себя вынутое платье, прицѣпилъ за поясъ мечь, и въ первый разъ во время своей неволи взялъ въ руки смертоносную саблю. Эта одежда придавала ему доволь-

но бодрости, и онъ чувствовалъ, что уже теперь не рабъ Гамза-Бея, но удалой воинъ, но страстный защитникъ угнетенной Прони. Бурая молодая лошать, покрытая богатымъ чепракомъ, стояла подлѣ него. Она біеніемъ съ нетерпѣніемъ мощными ногами своими въ землю, какъ бы давала ему знакъ, дабы скорѣе отправиться изъ сихъ опасныхъ мѣстъ.

Когда величественное солнце оставляло опять дневное свое теченіе и вечерняя зяря распространяла по всюду мракъ своей тѣни, то прочіе его товарищи начали взнуздывать лошадей, убирать нужныя для ихъ дороги вещи. Евнухи тщательно смотрѣли за всѣми ихъ тревогами, и не выпускали изъ вида ни одного ихъ движенія. Когда были всѣ въ готовности, то Петрусь съ другими то-

варищами поѣхалъ по той дорогѣ, по которой хаживалъ прежде сего. Выѣхавши на большую дорогу, далъ онъ приказаніе своимъ храбрымъ воинамъ здѣсь его дожидаться; самъ же, оставивши ихъ скоро, отправился по одной излучистой тропинкѣ, ведущей прямо къ бесѣдкѣ. Идя тутъ, онъ мечталъ: »если ее здѣсь не найдетъ, если это была одна только хитрость Анастасіи, если онъ не увидитъ Зобеиды, и, что еще ужаснѣе, можетъ быть опять попадетъ въ жестокія руки Евнухамъ;« но въ ту же минуту подкрѣплялся сладостной надеждой, что Анастасія этого не сдѣлаетъ, что она его нѣсколько разъ спасала. Въ пылу этихъ мечтаній, онъ ближе и ближе подходилъ къ назначенному месту. Онъ устремлялъ съ неописаннымъ удовольствіемъ вокругъ взоры

свои, дожидался Зобеиды и наслаждался заранѣ тѣмъ блаженствомъ, которое онъ будетъ ощущать въ послѣдній разъ съ нею, а тамъ найдетъ, встрѣтитъ свою милую, прелестную Проню.

Такъ мыслилъ, чувствовалъ Петрусь, а самъ спѣшилъ между тѣмъ въ глубину тѣнистой рощи, какъ будтобы за тѣмъ, чтобы собранныя мысли запечатлѣть въ душѣ своей въ безмолвномъ, вѣчномъ ея сумракѣ.

Погруженный въ самаго себя, онъ пришелъ къ Испанской бесѣдкѣ.

Вдругъ шорохъ листьевъ, вѣяніе зефировъ невольно выводятъ его изъ задумчивости. Онъ останавливается, прислушивается: шорохъ увеличивается постепенно болѣе и болѣе; минуты двѣ и Зобеида является предъ

нимъ въ сопровожденіи незнакомаго ему Евнуха.

Блестящее золотаго цвѣта платье, въ которомъ ни одного раза Зобеида его не видала, застегнутое на мужественной его груди большими серебренными пуговицами, богатый, почти весь горящій въ золотѣ, поясъ, за коимъ заткнутъ былъ длинный усѣянный яхонтами кинжалъ, звѣнящая сабля, вѣрная спутница бранной его жизни, украшали молодаго, статнаго юношу.

Зобеида, не видавши никогда его въ такомъ нарядѣ, едва могла его узнать; а Евнухъ, сопровождавшій, ее отворилъ дверь бесѣдки и подалъ знакъ, чтобы они туда вошли.

— Позвольте мнѣ, сказалъ ей Петрусь, въ послѣдній разъ принести вамъ мою благодарность за

ваши благодѣянія, которыя всегда и вездѣ будутъ сопровождать меня, и за которыя я обязанъ вамъ вѣчною неизмѣнною признательностію, могущею только кончиться вмѣстѣ съ моею жизнію.

Зобеида учтиво поклонилась ему: тяжкое біеніе ея сердца отнимало у нее сладостныя слова отвѣчать ему.

» Вамъ угодно было, сударыня, первой извѣстить меня объ моемъ благополучіи, »началъ Петрусь;« но я знаю, что Анастасія принесла эту радостную для меня вѣсть довольно поздно, и почти въ то самое время, когда мы рѣшались навсегда оставить сіи скучныя мѣста. Что же касается до меня, то вполнѣ будьте увѣрены, что мое постоянство, моя къ вамъ благодарность по гробъ моей

жизни навсегда пребудетъ со мною, какъ мое достояніе, какъ послѣднее мое утѣшеніе. — Сказавъ сіи слова, онъ бросился на колѣни, схватилъ дрожащія ея руки и началъ осыпать ихъ жаркими поцѣлуями. »Будьте увѣрены въ моемъ постоянствѣ; клянусь вамъ всѣмъ священнымъ, что почту себя слишкомъ счастливымъ, когда буду въ возможности исполнить всѣ ваши желанія.«

Рѣзкій и вмѣстѣ съ этимъ важный тонъ, съ которымъ произносилъ Петрусь сіи слова, и огонь сверкавшій въ его взорахъ, казалось, дѣлалъ печальнѣе это прощаніе; все же сіе увеличивалось какимъ-то тайнымъ смущеніемъ въ душѣ Зобеиды, и подвергало ее безпредѣльному хаосу мечтаній. Она внутренно желала про-

длить сіи минуты и умереть гораздо прежде, нежели онѣ кончатся.

» Простите благосклонно, Зобеида, « сказалъ вставши Петрусь, » моимъ смѣлымъ чувствамъ, которыя я осмѣлился высказать вамъ, какъ должную, непреложную дань. Но я вижу, что она слишкомъ сильно уязвила вашу душу и ваше сердце, и къ тому же я увѣренъ, что произходившее между нами будетъ для всѣхъ тайною. «

— Точно, одно небо можетъ быть свидѣтелемъ чистѣйшихъ наслажденій любви нашей, а сердца порукою за ненарушимость невинности ихъ, говорила Зобеида, прижимая къ устамъ своимъ руку Петруся. Небо и сердца наши, продолжала она, не осудятъ насъ; но люди!... ахъ! я трепещу, если кто нибудь узнаетъ, что я съ вами видалась, что васъ полюбила. Вотъ я

трепещу какой мысли! Не довольно ли имъ одного вида, одного малѣйшаго признака для сужденія о моихъ поступкахъ, и даже о моемъ поведеніи! Я узнала это не изъ однихъ только книгъ, я узнала это на самомъ опытѣ. Но пускай себѣ они узнаютъ всю нашу тайну, если бы только ты, Петрусь, былъ всегда при мнѣ; но что будетъ со мною тогда, когда я не буду видѣть тебя? Сердце мое трепещетъ, какъ у преступника; я это предчувствовала, я боялась этой погибели, и наконецъ я ее дождалась. Новпрочемъ, кто изъ насъ можетъ ручаться за чувства свои? кто можетъ положительно доказывать, что разумъ имѣетъ надъ нами владычество? Какая ученость, какой образъ мыслей, какая глубокая философія не бываютъ иногда принуждены уступать чувствамъ сердца?

И такъ вооружусь терпѣніемъ и буду мысленно восхищаться той минутой, когда ты увидишь свое родное отечество и своихъ милыхъ друзей.

Послѣ сихъ словъ, жаркіе, пламенные поцѣлуи крѣпко соединили уста ихъ — потряслн души, сердца — все существо ихъ.... Какое положеніе, какая картина!... Они чувствовали въ это мгновеніе новое бытіе, новое блаженство; не знали гдѣ они, куда они переселились, что съ ними дѣлается. Они только пылали, млѣли; свѣтъ дневный исчезалъ предъ ними; вокругъ нихъ все было тихо, мирно и спокойно; одни только чувства ихъ были въ волненіи, и были для нихъ закономъ и вселенной.

Но вдругъ внезапный голосъ, сопровождавшаго ихъ Евнуха, поставилъ ихъ на краю бездны.

— Спасайтесь! спасайтесь! закричалъ внезапно сей Евнухъ. Гамза-Бей бѣжитъ сюда съ толпою вооруженныхъ невольниковъ: онъ видѣлъ въ окошко, какъ вы прошли сюда.

Глаза Петруся засверкали мстительнымъ огнемъ и онъ грозно, сказалъ: »Я могу теперь испытать силы моего варвара; я позову своихъ воиновъ: они также вооружены.

Тутъ вынулъ онъ изъ ноженъ свою саблю, и радовался, какъ они будутъ сражаться.

Но Зобеида, знавши характеръ отца своего, умоляла его сего не дѣлать; ибо могла ли она равнодушно перенести эту сцену! Можетъ быть увидитъ кого нибудь изъ двухъ ихъ убитымъ. »Нѣтъ, Петрусь,« говорила она, »ради Бога не дѣлайте этаго, ибо

я не могу быть равнодушною при такомъ страшномъ произшествіи; но лучше уѣзжайте поскорѣй отсюда.

Тутъ онъ, поцѣловавъ ея руку въ послѣдній разъ, скоро выбѣжалъ изъ бесѣдки и скрылся въ густотѣ сада; а Зобеида, лишенная чувствъ, упала на руки Евнуха.

Между тѣмъ воины Петруся, увидѣвши его издали бѣгущаго къ нимъ, всѣ бросились къ нему на помощь, и онъ, ѣвши на свою лошадь, не вдалекѣ привязанную, отправился въ галопъ по большой дорогѣ, и палаты Бея скоро исчезли изъ ихъ глазъ.

» Что же происходило послѣ съ Зобеидою при встрѣчѣ ея съ отцемъ, я объ этомъ не намѣренъ говорить, а

предоставляю только на судъ благосклоннымъ читателямъ и читательницамъ вообразить то положеніе, въ которомъ она находилась; а мы, не отвлекая своего вниманія, обратимся къ герою нашей повѣсти — и увидимъ дальнѣйшія его приключенія въ слѣдующихъ за симъ главахъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Отъѣздъ Петруся. — Прибытіе въ станъ дѣйствующей арміи. — Свобода Абдургамана. — Отставка. — Поѣздка въ Херсонскую Губернію. — Приключеніе въ лѣсу. — Освобожденіе. — Незнакомецъ.

Петрусь, сей несчастный плѣнникъ, перенесшій столько мученій въ рукахъ жестокаго Гамза-Бея, сей благородный человѣкъ, котораго нѣжное сердце въ самыхъ горестныхъ, несчастныхъ обстоятельствахъ находило себѣ отраду — слѣдственно и

спокойствіе души, — сей плѣнникъ, съ прочими товарищами и единоземцами своими, быстро мчались по сыпучей дорогѣ Азіятской Турціи, и — быстро стремились къ назначенному предмету своихъ мыслей. Но природа, какъ бы въ укоръ, невольно останавливала ихъ на каждомъ шагу; она заставляла блуждать ихъ по лѣсамъ въ которыхъ никто изъ нихъ не былъ, которые для нихъ были дики, мрачны и унылы. Вездѣ препятствіе, вездѣ неудача!

»Неужели,« разсуждали товарищи Петруся между собою, »лабиринтъ мученій нашихъ не кончился, неужели и сама природа способствуетъ нашему горю, увеличиваетъ его жаромъ несносныхъ негодованій и заставляетъ насъ въ сей кратковременной жизни сѣтовать, скучать, роптать на себя,

когда впрочемъ другіе наслаждаются всѣми прелестями ея, всѣми земными удовольствіями? Нѣтъ! Религія и высокая надежда на Провидѣніе, ободряютъ насъ; онѣ существуютъ на свѣтѣ, а слѣдственно и мы должны питаться небеснымъ ихъ упоеніемъ. «

Между тѣмъ и самый герой сей были, Петрусь, также не былъ чуждъ сихъ сердечныхъ терзаній; онъ мечталъ только самъ съ собою, въ своемъ сердцѣ, въ своей душѣ. Онъ думалъ, что человѣкъ, сей смертный напыщенный мгновенною гордостію богатствъ своихъ, или славою своихъ почестей, поставленный въ центрѣ міра, единственно для того, чтобы служить игралищемъ вѣтреннаго случая, и чтобъ онъ всегда, всюду испытывалъ его твердость, его постоянство и насмѣхался бы надъ его

воплемъ и роптаніемъ. Но гдѣ же смертному, слабому существу, находить среди преслѣдуемыхъ его несчастій какое нибудь себѣ утѣшеніе? Что оставалось дѣлать Петрусю, блуждавшему по лѣсамъ и пустынямъ? — Тоже находить утѣшеніе! Но, къ счастію его, онъ зналъ, что утѣшеніе сіе заключается въ сердцѣ каждаго смертнаго.

Сколько жалокъ, сколько несчастливъ тотъ изъ людей, кто не находитъ въ семъ благодѣтельномъ дарѣ небесъ своего спокойствія, котораго бытіе ограничивается однимъ только физическимъ, чувственнымъ наслажденіемъ; моральныя чувства постепенно въ немъ притупляются, и вся жизнь его есть ни что иное, какъ вѣчный сумракъ несносныхъ терзаній,

упомительной скуки, праздности и однихъ всегдашнихъ томленій.

» Симъ несчастнымъ случаемъ лишился я такого предмета, который утѣшалъ меня въ горестяхъ, и который былъ необходимъ для земнаго моего существованія. Слезы невольно рѣкой льются изъ глазъ моихъ при воспоминаніи объ этомъ, несчастія мои увеличиваются, и самая жизнь дѣлается скучнѣе, тягостнѣе! Но я имѣю надежду, имѣю успокоеніе въ своемъ сердцѣ, и самыя слезы горести обращаются въ цѣлительный бальзамъ радости, самая тягостная жизнь дѣлается пріятною, утѣшительною; ибо это же самое сердце удостоилось любви милой, кроткой, очаровательной Зобеиды, которая вездѣ и всюду должна сопровождать меня. Благодарность моя къ ней должна составить

главный, неизмѣнный предметъ моей жизни! «

Такъ думалъ Петрусь и такъ мечтали товарищи его, ѣдучи по незнакомой имъ дорогѣ въ чуждой, отдаленной сторонѣ, и наконецъ послѣ долго продолжавшагося, такъ сказать, ихъ странствованія, они прибыли наконецъ въ станъ дѣйствующей арміи.

Пріѣхавши на Кавказскую линію, гдѣ находилась армія, не подалеку отъ Георгіевска, съ какимъ восхищеніемъ увидали мы родное отечество—слышали слова знакомаго намъ изъ дѣтства языка; однимъ словомъ, мы были перерождены въ другую жизнь, въ другое лучшее бытіе.

Разнесшіеся слухи о нашемъ появленіи и о цѣли нашего пріѣзда, дошли до ушей того уважаемаго началь-

ника, подъ властію котораго находился Абдургамавъ, нареченный зять Гамза-Бея, и къ которому мы, въ слѣдствіе переговоровъ, веденныхъ съ Турками, должны были явиться.

Послѣ продолжавшихся переписокъ между обѣими Державами, Абдургаманъ успѣлъ получить себѣ свободу, и отправился на свою родину, благодаря Русскихъ за великодушіе, а Гамза-Бея за попеченія.

Петрусь и нѣсколько другихъ его товарищей, жертвовавшихъ жизнію за Отечество, были награждены. Петрусь получилъ офицерскій чинъ. Спустя нѣсколько времени, онъ рѣшился подать отставку, и единственно для того, чтобы, постранствовавъ по Россіи, отыскать свою Прею.

Когда отставка его была готова,

то Петрусь, простившись съ своими друзьями, отправился къ роднымъ на удалой тройкѣ почтовыхъ лошадей, и проѣзжая Херсонскою Губернею, среди жестокой зимы, въ самые Декабрскіе морозы, ночью, когда не видно было ни одного предмета, замѣтилъ, что лошади стали уставать, мятель была страшная, дорогу всю замело, и ямщикъ сказалъ, что съ оной сбились. Страхъ овладѣлъ обоими. Не теряя бодрости духа, началъ его бранить, и наконецъ предался на его волю. Ямщикъ поворотилъ на право въ лѣсъ, не въ далекѣ отъ нихъ находившійся, въ которомъ чѣмъ дальше ѣхали, тѣмъ больше лѣсъ густѣлъ, мракъ умножался, и нетерпѣніе его возрастало съ каждымъ шагомъ; ибо всякую минуту имъ надобно было цѣпляться за сучья и за пни; только, къ

счастію ихъ, они замѣтили не въ дальнемъ отъ себя разстояніи огонекъ. Ямщикъ ободрился, привсталъ, ударилъ по лошадямъ, и лихая тройка помчалась во всю прыть по дорогѣ. Подъѣзжая къ избушкѣ, находившейся среди дремучаго лѣса, онъ полагалъ, что тутъ живетъ какой нибудь страдалецъ, оканчивавшій дни своей жизни въ тихомъ уединеніи. Не успѣлъ еще онъ слѣзть съ повозки, какъ воротцы отворились, и ихъ встрѣтилъ довольно пожилыхъ лѣтъ мущина. Онъ спросилъ: какова ихъ была ловля; но узналъ, что пріѣхавшіе были не тѣ, кого онъ ожидалъ.

Это былъ разбойничій пріютъ, гдѣ находилось человѣкъ двѣнадцать разбойниковъ, которые всякую ночь отправлялись въ лѣсъ на добычу.

Петрусь, ничего не подозрѣвая, вбѣ-

жалъ поскорѣй въ избу, чтобы отогрѣпься, и въ туже минуту спросилъ горячей воды, досталъ свой ларчикъ, въ которомъ находились чашки, чайники, началъ пить чай, пригласивъ къ себѣ и хозяина сего обиталища.

»Для чего это у тебя столько оружія: сабель, пистолетовъ?« спросилъ Петрусь хозяина, увидавъ, что оные висѣли по стѣнамъ.«

— Какъ для чего? коварно отвѣчалъ хозяинъ. Развѣ вы не знаете, что теперь было время военное, что иногда ко мнѣ заѣзжали молодые офицеры, и я снабжалъ ихъ этими оружіями? Да нужно еще вамъ сказать, что я только этимъ и живу. Пойду ли въ лѣсъ, попадется ли мнѣ звѣрь или птица, отъ рукъ моихъ ужъ не уйдутъ; по этому я ихъ и сберегаю. Да не знаю, живя здѣсь одиноко, что теперь идетъ

у насъ съ Турками? Говорятъ, будтобы мы ихъ угостили на порядкахъ. Я бы, кажется, искоренилъ ихъ совсѣмъ, чтобы и духу не пахло; да и Гробъ Христовъ привезъ бы въ Кіевъ.

» Нѣтъ, братъ, это не такой народъ, какъ ты думаешь: они въ состояніи драться за свою родину до послѣдней капли крови. Да что это у тебя, хозяинъ, кажется угарно: у меня голова начинаетъ побаливать. «

— Эхъ, сударь! это вамъ такъ кажется послѣ дороги. Не угодно ли отдохнуть въ моей свѣтелкѣ?—При этихъ словахъ отворилъ онъ дверь въ другую комнату, которая была почище. Вошедши въ нее, я нашелъ кровать и нѣсколько деревянныхъ шкафовъ, составлявшихъ повидимому убранство оной. Хозяинъ съ ямщикомъ уснули. Я только слышалъ попеременно ихъ хра-

пѣніе, и едва сталъ засыпать, какъ услыхалъ голоса нѣсколькихъ людей, которые кричали: »Варлаамъ, скорѣй отворяй!«

Мой хозяинъ въ ту же минуту всталъ съ своей постели, бросился въ ворота, которыя за скрипѣли, и нѣсколько голосовъ заревѣло: »Здорово Атаманъ. Здравствуйте, ребята! Что мнѣ скажете новаго?«

— Ни чего покудова; ночь претемная, хоть глазъ выколи. Ни одной собаки не повстрѣчали, а ужъ бы теперь повеселились.

»То-то, молодежъ! вы бы смотрѣли на меня, какъ я, сидя на печи, умѣю ловить добычу. Молчите только. Ко мнѣ заѣхалъ на почтовыхъ лошадяхъ одинъ баринъ; онъ очень богатъ; пожива будетъ важная; да смотрите, кинжалы чтобы были повостре. Ям-

щикъ его спитъ со мной: ему петлю на шею, и въ воду; а баринъ спитъ въ свѣтлицѣ: пріударить раза два кинжаломъ, и все наше!

»Славно!« закричали разбойники. Морозъ пробѣжалъ по всему тѣлу, когда я услыхалъ этотъ варварскій приказъ Атамана разбойничьей шайки, и хладнокровно ожидая участи своей, зарядивъ пистолетъ, слушалъ, что будутъ дѣлать съ моимъ ямщикомъ, который спалъ глубокимъ сномъ. Подошедши къ нему, связали руки и ноги, и вытащили вонъ изъ избы. Послѣ сего, нѣсколько человѣкъ начали стучаться въ мою комнату, я молчалъ; наконецъ одинъ широкоплечій мущина въ аломъ кафтанѣ, разломавъ дверь, съ заряженнымъ ружьемъ подошелъ ко мнѣ.

—Есть деньги? спросилъ онъ у меня.

Я показалъ ему на чемоданъ. Они

сперва бросились на меня, обезоружили, потомъ начали вытаскивать изъ чемодана вещи, и первый въ руки имъ попался бумажникъ съ ассигнаціями; потомъ вытащили платье, бѣлье, нѣкоторыя книги.

— На кой чортъ намъ эти вещи, эти мундиры? грозно завопилъ одинъ разбойникъ. — Продавать ихъ бѣда, а для себя не годится ихъ оставлять; ибо изъ цѣлаго мундира не выберешь себѣ порядочной фуражки. Поскорѣй въ огонь, также и бумаги: намъ на нихъ не чего писать; развѣ только то, много ли передушили вотъ этакихъ молодцевъ; но чтобы заниматься этимъ, то будетъ пустая работа. И шакъ, ребята, мигомъ на ножи его: авось либо не достанетъ ли еще гдѣ нибудь денегъ! завопилъ Атаманъ.

Тутъ они, подобно хищнымъ вол-

камъ, бросились на меня. Я умолялъ ихъ, чтобы они на нѣсколько времени остановились и позволили бы принести мнѣ молитву Творцу. Это удивительно какъ ихъ тронуло. Одинъ изъ нихъ сказалъ: »Только тебѣ осталось жить десять минутъ на свѣтѣ, а намъ прощай навсегда.«

Я упалъ на колѣни, и среди умилительнаго возношенія мыслей моихъ къ Богу, среди того ужаснѣйшаго времени, какъ они съ острыми кинжалами смотрѣли яростно на меня, — вдругъ ставни сей избы потряслись, окошки задрожали, и нѣсколько человѣкъ Улановъ вбѣжали въ эту комнату, громко говоря, чтобы тутъ ни кого не было. »*Ребята, вонъ отъ сюдова!*« сказали они имъ, и вбѣжали ко мнѣ, споявшему на колѣняхъ. Въ ту минуту схватили меня за руки, отыскали моего ямщика,

и показали дорогу, выведши меня изъ сей опасности. Черты лица одного изъ моихъ избавителей показались мнѣ довольно знакомы; я приводилъ себѣ на память, кто бы, это былъ такой, и вспомнилъ наконецъ, что это былъ братъ Прони, молодой солдатъ, который принесъ меня въ лазаретъ, когда я былъ смертельно раненъ, и теперь меня спасшій. Тогда я употреблялъ всѣ усилія, чтобы его отблагодарить; но онъ давно скрылся отъ взоровъ моихъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Пріѣздъ въ Кіевъ. — Мечты. — Незнакомецъ. Кто онъ. — Свиданіе любовниковъ. — Прозьбы. — Рѣшимость.

Пріѣхавши въ Кіевъ, я остановился на томъ же постояломъ дворѣ, на которомъ стоялъ при отправленіи въ армію. Тамъ встрѣтилъ того же хозяина. Онъ отвелъ мнѣ маленькую комнатку, а что всего лучше, принесъ хорошій, сытный обѣдъ.

»Но могъ ли я отдыхать, могъ ли цѣнить, какъ гастрономъ, приправы кушанья? могъ ли быть спокойнымъ, веселымъ тогда, когда мое сердце было разтерзано, убито? когда радость бѣжала меня, какъ страшнаго привидѣнія?« Такъ думалъ бѣдный Петрусь.

И справедливо. Для несчастнаго нѣтъ нигдѣ мѣста для спокойствія; онъ спранствуетъ, блуждаетъ по всюду, но ни гдѣ не находитъ пріюта успокоенія.... Увы! зачѣмъ человѣку не дано всеобъемлющаго проницанія, которое позволяло бы ему заглядывать впередъ, позволяло бы поднимать завѣву будущаго и видѣть дальный, многотрудный путь его тягостной жизни? Зачѣмъ не можетъ онъ видѣть всѣхъ цѣлей, къ коимъ онъ такъ стремится, которыхъ онъ

ищетъ? и вмѣсто того, чтобы достигнуть, онъ часто впадаетъ въ новыя бѣдствія, или если иногда и находитъ, то тамъ, гдѣ не воображаетъ, чтобы ихъ найти? Или онѣ подъ привлекательнымъ видомъ усладительнаго, но обманчиваго счастія, представляются ему изъ дали, а потомъ съ горькою насмѣшкою презрѣнной досады опять отъ него скрываются. О будущность! ты для насъ непостижима, также какъ самая судьба! Кто можетъ изъ людей похвалиться тою мудростію, посредствомъ которой могъ бы съ неоспоримою достовѣрностію доказать, что сердце такого-то человѣка будетъ ощущать тогда-то, въ такомъ-то мѣстѣ непостоянство (что всегда можетъ быть вѣрнѣе) вѣтренаго счастія, или сдѣлается его любимцемъ? Безъ вся-

каго сомнѣнія согласятся со мною всѣ, даже самые любители споровъ, что такого человѣка еще не было на свѣтѣ, и что будетъ впередъ, но сокрыто отъ насъ временемъ, сокрыто подъ мрачною завѣсою будущности.... Впрочемъ, замѣтимъ мимоходомъ, бываютъ случаи, которые хотя потрясаютъ наши душевныя способности, но съ тѣмъ вмѣстѣ настроиваютъ согласные аккорды въ сердцѣ человѣка; хотя и поражаютъ его мысли близкими произшествіями, но какъ бы предвозвѣщаютъ или невинную радость, или отчаянную скорбь, а чрезъ это самое и приводятъ въ внимательное состояніе и заставляютъ ожидать слѣдствій.

Въ таковыхъ или подобныхъ симъ мысляхъ находился Петрусь, когда

онъ намѣревался идти въ городъ для покупки нужныхъ ему вещей.

Оставивши свою квартиру и проходя рядами, гдѣ разкладены были различные товары Кіевскихъ купцовъ, Петрусь встрѣтилъ одного порядочно одѣтаго человѣка, котораго узнать съ перваго раза не могъ, но по чертамъ его лица судилъ, что онъ его гдѣ-то видалъ. Подошедши къ нему ближе, Петрусь началъ приспальнѣе разсматривать незнакомца, и наконецъ узналъ, что оный былъ тотъ человѣкъ, который нѣкогда избавилъ его отъ рукъ разбойниковъ, и котораго онъ давно хотѣлъ видѣть, дабы принести ему свою благодарность.

Петрусь не долго былъ въ нерѣшимости. Подошедши къ незнакомцу, онъ взялъ его за руку и сказалъ ему: »Узнаешь ли меня, добрый человѣкъ?«

Незнакомецъ поглядѣлъ на Петруся, покашлялъ, призадумался, и не прошло минуты, какъ оба они сжимали крѣпко другъ друга въ объятіяхъ.

Хотя свиданіе съ такимъ человѣкомъ и въ такомъ мѣстѣ, то есть, среди города, въ рядахъ, было не слишкомъ завидно, но можно ли иногда остановить порывы радости? Наконецъ Петрусь, опомнясь отъ восхищенія, пригласилъ незнакомца на свою квартиру. Пришедши туда, онъ разспрашивалъ его о житьѣ, бытьѣ, и наконецъ старался завести разговоръ о сестрѣ незнакомца.

Я полагаю, что читатели уже отгадали, кто эта была сестра и почему Петрусь такъ интересовался узнать объ ней.

Знакомый незнакомецъ зналъ всѣ отношенія Петруся къ его сестрѣ,

которая была Проня, не замедлилъ удовлетворить его любопытство. Онъ началъ разсказъ такимъ образомъ.

» Вамъ уже извѣстно, что пристарѣлый мой родитель лишился двухъ дѣтей. Меня—какъ старшаго въ родѣ, отдалъ въ военную службу, дабы исполнить въ полномъ смыслѣ долгъ Русскаго гражданина; сестры же лишился опъ своей прихоти, именно опъ принужденія. Ему хотѣлось, чтобы она вышла замужъ за такого человѣка, котораго она ненавидѣла, и къ тому жъ онъ былъ пьяница. Любя васъ, она расторгла семейныя узы нарушила родительское спокойствіе и, живя теперь не въ далекѣ отъ Кіева, въ совершенной бѣдности, рѣшается вступить въ монастырь, дабы тамъ найти конецъ страданіямъ, и гдѣ надѣется теплыми молитвами

испросить прощеніе въ своихъ прегрѣшеніяхъ. Вотъ, добрый Паничъ, что спрашно тяготитъ мое сердце, и что я вамъ открываю, какъ другу, какъ брату. «

Петрусь во все время этаго разсказа находился въ самомъ трогательномъ положеніи: радость ее видѣнь, и печаль объ томъ, что его Проня хочетъ идти въ монастырь, сражались въ душѣ влюбленнаго; наконецъ первая взяла верхъ и новые друзья на другой день отправились въ жилище Прони.

Каково вскорѣ было восхищеніе Петруся, когда онъ въ простой хатѣ, обмазанной глиною, нашелъ тотъ предметъ, котораго столько времени искало его сердце. Онъ увидѣлъ предъ собою ту же Проню, съ которой нѣкогда проводилъ вечера, увидѣлъ ту же

красоту, нѣже разцвѣтавшія прелести и былъ встрѣченъ тѣми же ласками, которыми онъ наслаждался предъ симъ за два года. Долго влюбленные держали другъ друга въ объятіяхъ, долго хранили глубокое молчаніе: ибо чрезмѣрная радость безмолвна, и это молчаніе продолжилось бы еще, еслибъ онаго не прервалъ братъ Прони и не заставилъ ихъ придти въ себя.

Успокоившись, влюбленные начали разсказывать другъ другу случившіяся съ ними произшествія во время ихъ долгой разлуки; послѣ сего посыпались новыя клятвы, увѣренія, тамъ опять недокончанные разсказы, воспоминанія о прошедшемъ, однимъ словомъ, въ продолженіе цѣлой недѣли, въ которую видались наши влюбленные,

каждый день было одно и то же — дикораціи не измѣнялись.

Но наконецъ для Петруся приближалось время его отъѣзда изъ Кіева и только оставалось уговорить Проню ѣхать съ нимъ вмѣстѣ на его родину, видѣться съ родителями и испросить отъ нихъ благословенія.

Но сколько ему было трудовъ, сколько потребно было убѣжденій для того, чтобы склонить Проню и ея брата ѣхать съ нимъ вмѣстѣ хотя къ ихъ отцу, котораго она оставила, отъ котораго бѣжала. Съ одной стороны Проня была справедлива, если упорствовала отъѣзду. Какими глазами должна она была явиться въ томъ городѣ, въ которомъ провела первые дни своей юности и изъ котораго бѣжала.» Что спанутъ говорить

обо мнѣ, » думала Проня, а тѣмъ болѣе мои подруги! «

Но просьбы Петруся, его сильные, краснорѣчивые доводы, что онъ будетъ ее защитникомъ и упроситъ своего отца, дабы и онъ былъ ея покровителемъ, поколебали Проню. А чего не въ силахъ сдѣлать любовникъ, котораго любятъ? И такъ, ѣхать на родину и тамъ вмѣстѣ съ Петрусемъ дѣлить любовь, было первымъ желаніемъ Прони....

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Рыхлавской Монастырь. — Ярморка. Жидъ колдунъ. — Вотъ кто Данько!—Неожиданная встрѣча. — Разсказъ нечаяннаго произшествія.

Распорядившись какъ должно съ наняпымъ ямщикомъ, Петрусь, Прося и ея братъ отправились въ условленный день на родину. Нашъ влюбленный ѣхалъ тою же дорогою, которою отправлялся въ армію, но тогда съ растерзаннымъ сердцемъ, а пе-

перь, напротивъ, со всѣми радостями и со всѣми надеждами.

Для влюбленныхъ, когда они вмѣстѣ, время летитъ непримѣтно. Такъ и наши путешественники не замѣтили, когда оное успѣло пройдти и какъ они приблизились къ находившейся въ той сторонѣ дороги пустынѣ, въ которой дряхлые старцы-монахи оканчивали свои дни. Эта обитель называлась Рыхлавскою. Мѣстоположеніе оной, отдаленное отъ всякаго мірскаго жилища, соотвѣтствовало всѣмъ требованіямъ тихаго монастырскаго убѣжища. Густой, непроходимый боръ окружалъ обитель сію почти со всѣхъ сторонъ, изключая только главнаго входа, гдѣ сама природа какъ бы нарочно сдѣлала перспективу для пріѣзжавшихъ богомольцемъ. Наши путешественники рѣшились заѣхать ту-

да. Къ тому же не будетъ лишнимъ, если я предупрежду моихъ читателей и о бывшей въ то время въ Рыхлавскѣ ярморки, бывавшей тамъ одинъ разъ въ годъ, то есть съ Мая по Іюль мѣсяцъ. Петрусь ѣхалъ въ самое это время и даже надѣялся найти кого нибудь изъ купцовъ своего города, у котораго хотѣлъ спросить о положеніи своихъ родителей.

Подъѣзжая къ мѣсту ярморки, Петрусь и спутники его увидѣли натянутые холстинные шатры наподобіе тѣхъ, которые и теперь большею частію находятся въ малыхъ городахъ Малороссіи, во время, назначенное для подобной торговли, и въ которыхъ торгуютъ Цыгане и мелкопомѣстные тамошніе обитатели.

Уже золотились церковныя главы пустыннаго монастыря и были слы-

шимы томные, глухіе звуки колоколовъ, возвѣщавшихъ время обѣдни, какъ наши странствователи прибыли въ ту уединенную пустыню, гдѣ, среди многоспекшагося народа, едва могли найти себѣ комнату въ тамошней гостинницѣ.

Прошло около двухъ часовъ времени, какъ пріѣхавшій Петрусь и его товарищи отдохнули и напились чаю, послѣ котораго онъ предложилъ Пронѣ отправиться съ нимъ на ярморку. Она отказалась, боясь встрѣтить тамъ своего отца, или кого нибудь изъ знакомыхъ. Рѣшился идти ея братъ.

На дорогѣ Петрусь съ своимъ товарищемъ встрѣтилъ одного Жида, который, посредствомъ денегъ и хлѣбныхъ шариковъ, предсказывалъ буду-

щее. Толпа народа, окружавшая кудесника, насилу позволила продраться къ нему Петрусю съ спутникомъ. Они увидѣли Жида лѣтъ шестидесяти пяти, одѣтаго въ мѣховое платье, не смотря на двадцати градусный жаръ. Пóтъ градомъ катился съ лица предсказывателя.

Окружавшая толпа Малороссіянъ съ удивленіемъ и довѣрчивостію разсматривала мошенничество Жида, ни мало объ этомъ не думая, и, повидимому, вѣрила его знанію. Счастливые люди, они вѣряпъ всему! Жидъ каждому предсказывалъ его участь, и хотя ни въ одномъ его словѣ не льзя было отыскать ничего правдоподобнаго, но довѣрчивые Малороссы вѣрили отъ души. Тутъ, въ этой толпѣ, можно было найти и купца, пріѣхавшаго на ярморку для своей наживы,

и помѣщика, для покупки нужныхъ по хозяйству вещей, и мать, привезшую изъ дальнихъ деревень своихъ дочекъ, дабы уловить какого нибудь женишка; однимъ словомъ, въ той толпѣ были люди всѣхъ званій, всѣхъ состояній; сказать короче, эта толпа была въ миніатюрѣ вся ярморка.

Петрусь и братъ Прони, приблизясь почти къ самому магическому столу, около котораго стоялъ Жидъ съ засученными рукавами, державъ въ своихъ рукахъ три серебреныя монеты и маленькіе круглые шарики, сваленные изъ аржанаго хлѣба. Онъ, казалось, дожидался какого нибудь охотника, который бы, разумѣется, заплатя напередъ хитрому обманщику деньги, долженъ былъ дожидаться его предсказаній.

— Жидъ! сказалъ Данько, (такъ

звали брата Прони), ты все предсказываешь одно только будущее; но такъ какъ не всякой изъ насъ можетъ этому повѣрить, потому что ты за взятыя деньги можешь и врать; а не льзя ли тебѣ разсказать такимъ образомъ, понимаешь ли? какъ бы тебѣ это объяснить; напримѣръ, не можешь ли ты сказать, что со мной случилось въ моей жизни и кто я таковъ: холопъ или Москаль?

» Якъ зе Васе Благородіе, оцень можно, только треба для сего богацько пеньозъ.

— Нужды нѣтъ, только скажи всю правду, я денегъ не пожалѣю. А примѣрно сколько тебѣ нужно?

» Кордовинца пири, нузнозъ.

— Ну, согласенъ. И такъ дѣло кончено, по рукамъ. Только впрочемъ съ условіемъ: если не скажешь правды,

то песиковъ не носить на головѣ. Понимаешь ли?

» Якъ зе Панъ, понимаюзъ.

Всѣ слышавшіе это начали стекаться къ сему мѣсту и ожидать той минуты, въ которую Жидъ будетъ разсказывать всѣ произшествія, случившіяся съ Данькою.

» Пане, напередъ три корбовинца, « сказалъ Жидъ.

— Изволь. Тутъ Данько вынулъ изъ своего кармана три цѣлковыхъ, и положилъ на столъ. Жидъ, видя такую сумму денегъ, задрожалъ отъ изумленія: ибо онъ за гаданье бралъ копѣекъ по пятидесяти. Спрятавъ деньги въ карманъ, онъ началъ раскладывать по концамъ стола серебреную монету, послѣ сего пробормоталъ нѣсколько словъ; но вдругъ, по-

глядѣвши на небо, сказалъ: »Пане, завтра сабасъ, гадать больсе не льзя.«

— Какъ! сказалъ Данько, дожидаясь что онъ будетъ врать; какъ гадать не льзя? а зачѣмъ взялъ деньги?

»Какія зе деньги?«

— Какъ какія? Ты сей часъ взялъ у меня три цѣлковыхъ.

»Ей зе Бобу, не бравъ, не бачивъ.«

— Какъ не бралъ? а въ карманѣ что?

»Се пане мои гроши.«

Послѣ подобнаго разговора, продолжавшагося около часа, Данько, выведенный изъ терпѣнія, принужденъ былъ уступить.

Едва Петрусь и обманутый его товарищь отошли отъ Жида, какъ замѣтили они одного спатнаго му-

щину, смотрѣвшаго на нихъ со вниманіемъ, и какъ будто бы узнававшаго ихъ.

»Что я вижу?« наконецъ сказалъ смотрѣвшій, подходя къ Петрусю. »Вы ли это? не ошибаюсь ли я? Такъ, это вы, нашъ Паничь Петрусь.

Это былъ Грицко, съ слезами бросившійся въ объятія Петруся, старый слуга Пана Барановскаго. Онъ былъ посланъ отъ него на ярморку какъ для покупки разныхъ вещей, такъ и для продажи своихъ сельскихъ произведеній.

»Здравствуй мой добрый Грицко! Здоровъ ли, какъ поживаешь, какъ идутъ дѣла твои? спросилъ смущенный такою печальною встрѣчею Петрусь.

— Слава Богу! отвѣчалъ Грицко; дурное переношу терпѣливо, хорошему радуюсь отъ души и благодарю

Всевышняго какъ за то, такъ и за другое. Вотъ вкратцѣ жизнь моя.

»Ну, скажи же мнѣ, Грицко, давно ли видѣлъ отца моего?«

— Съ недѣлю мѣста уже будетъ, какъ я не видался съ нашимъ добрымъ Паномъ, который только и знаетъ, что тоскуетъ и горюетъ по васъ, Паничъ; да и самъ я иногда плачу глядя на него. Но теперь онъ какъ будетъ радъ, когда васъ увидитъ, и даже Паночка Слыщенкова къ намъ пріѣдетъ; то дай Богъ вамъ жениться на ней поскорѣй.

»Благодарю тебя, Грицко за извѣстіе о моемъ родителѣ; но я не имѣю теперь времени долѣе съ тобою говорить. Я здѣсь не одинъ, но съ Пронею и ея брапомъ. Вотъ онъ.« (Петрусь указалъ на Даньку).

— Это вы, Паничъ, съ тою дѣвчон-

кою, которая бѣжала отъ отца? сказалъ Грицко.

» Да,« отвѣчалъ Петрусь осердясь; »а ты отправляйся отсюда поскорѣй къ моему отцу и скажи ему, что завтрешній день я буду дома. «

— Гоповъ летѣть домой даже сію минуту, отвѣчалъ Грицко, и сказать Пану, что васъ видѣлъ; только про Проню, про дочь Бурбелы не смѣю.

» А я, какъ твой баринъ, приказываю сказать обо всемъ, что говорилъ тебѣ. «

— Слушаю. Прощайте, Паничь, до завтрешняго дня, а завтра, Богъ, дастъ увидимся.

Грицко, повинуясь волѣ своего молодаго барина, по Русской пословицѣ, что называется: лихимъ матомъ отправился въ то мѣсто, гдѣ были его лошади, и — заложивши ихъ въ нѣле-

гу, поѣхалъ съ радостною вѣстью домой, и, какъ говорится, на удалой тройкѣ бурыхъ лошадей валялъ безъ устали.

Впрочемъ Грицко какъ бы за нужное себѣ поставилъ, заѣхать напередъ къ Бурбелѣ, дабы его увѣдомить, что пропавшая дочь жива, и — съ братомъ возвращаются домой. Ему хотѣлось обрадовать старика Бурбелу.

Это извѣстіе все оживило въ домѣ его. Грицко даже едва вѣрилъ своимъ глазамъ, видя неизъяснимый восторгъ родителей, который, можно сказать, походилъ болѣе на отчаянное изступленіе, нежели на радость. Разспросамъ не было конца; Грицко даже не успѣвалъ давать отвѣты, ибо не зналъ, на что сперва нужно

было отвѣчать, дабы удовлетворить нетерпѣливое любопытство. Долго Грицко смотрѣлъ на такое ихъ замѣшательство, на такую родительскую любовь и привязанность; наконецъ заплакалъ, какъ ребенокъ, и съ растроганнымъ сердцемъ старался поскорѣй оттуда убраться и поспѣшить къ старому своему Пану.

Пріѣхавши домой, онъ отдалъ лошадей конюшему, а самъ спѣшилъ въ голубую залу, гдѣ нашелъ своего Пана сидѣвшаго въ креслахъ, погруженнаго въ глубокую задумчивость. При входѣ Грицки, оная не много разсѣялась. Старый Панъ сперва спалъ разспрашивать о продажѣ товаровъ и о другихъ до экономіи относящихся предметахъ; между же тѣмъ радость вѣрнаго слуги дошла до невозможности. Грицко не былъ въ со-

состояніи скрывать оную. Онъ объявилъ Пану, что видѣлъ Петруся, а также и то, что слышалъ отъ него.

Старикъ сколько былъ обрадованъ, столько же сильно и пораженъ извѣстіемъ этимъ. Онъ, чтобы убѣдить Петруся жениться не на бѣдной мещанкѣ, а на знаменитой Паночкѣ Слыщенковой, почелъ за нужное созвать всѣхъ коротких своихъ знакомыхъ, дабы они, по пріѣздѣ сына, могли по крайней мѣрѣ его уговорить оставить намѣреніе свое. Барановскій не замедлилъ дать Грицкѣ приказаніе о зовѣ на завтрешній день Малороссійскихъ Пановъ.

Вѣрный слуга, исполняя приказанія барина своего, какъ должно распорядился на счетъ сего препорученія, а

самъ принялся за приготовленіе нужныхъ для стола потребностей.

Знаменитые Паны, уважая Барановскаго, въ назначенный день начали съѣзжаться въ его за́мокъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Мечты. — Новгородъ - Сѣверскій. — Лѣсъ. — Родительскій домъ. — Разсказъ. — Зала. — Обморокъ.

Послѣ того, когда Петрусь проспился съ Грицкою, и когда уже сей послѣдній отправился домой, то Данько упросилъ Панича итти на квартиру и увѣдомить Проню обо всемъ случившемся съ ними.

Едва вступили они въ свою комна-

ту, какъ Проня, замѣтивъ радость на лицахъ ихъ, предположила, что съ ними должно было случиться какое нибудь важное произшествіе. Разспросивъ ихъ, она узнала, что они видѣлись съ старымъ слугою Пана Барановскаго. Петрусь старался скорѣе отправиться, и вмѣстѣ съ этимъ радовался, что онъ послѣ столь долгой разлуки увидитъ наконецъ отца своего.

Не прошло двухъ часовъ времени, они были уже въ дорогѣ.

Приближаясь къ родительскому дому, мысли Петруся получили другое направленіе. Прежде главнѣйшею и единственною его мыслію была Проня, всѣ же прочія были, такъ сказать, побочными, посторонними и отъ нея зависящими; но теперь эта мысль началась скрываться отъ него въ лабиринтѣ другихъ мечтаній, подобно

свѣтозарному солнцу, скрывающему на время лучи свои въ облакахъ тумана, и опять по выходѣ изъ оныхъ освѣщающему землю. Такъ и мысль о Пронѣ иногда занимала Петруся, а иногда начинала скрываться отъ него со всѣми прелестями своими, и даже, можно сказать, что она не была уже единственнымъ его занятіемъ.

Чѣмъ ближе приближался Петрусь къ родительскому дому, тѣмъ живѣе и яснѣе представлялись его воображенію минувшіе дни юности, тѣмъ больше увеличивалось расположеніе какъ самой души его, такъ вмѣстѣ и сердца къ воспоминанію о дѣтствѣ, о дняхъ проведенныхъ имъ съ нѣжною родительницею, давно переселившеюся на лонѣ Авраама. Да и какъ было возможно не воспоминать ему о матери? Она взлелѣяла его у гру-

ди своей, она окружала и провождала молодость его радостями; она находила въ юномъ сердцѣ его сѣмена добра, образовала умъ его. Она и утѣшала его въ часы горестей, утѣшала въ то время, когда онъ не получалъ отъ отца своего ласковой улыбки; она-то возвысила въ немъ тѣ геройскія добродѣтели, которыя украшали его въ продолженіи жизни, которыя опередили его предъ другими и поставили на высшую степень нравственности. Воспоминая все это, Петрусь носился воображеніемъ въ горняя; онъ въ ту минуту, казалось, былъ вмѣстѣ съ своею матерью. Слезы, ліющіяся изъ глазъ его ручьями, услаждали Петруся въ отчаяніи. Припоминая всѣ произшествія своего дѣтства и не разговаривая съ своими товарищами, они непримѣтнымъ образомъ

приближались къ дому Бурбелы. Тутъ Петрусь, не хотѣвъ нарушать спокойствія нѣкоторыхъ жителей Новгорода-Сѣверскаго оставилъ Проню и ея брата однихъ, а самъ отправился верьхомъ въ замокъ отца своего.

Петрусь, проѣзжая густымъ лѣсомъ, знакомымъ ему съ юношества, невольно содрогнулся, вспомнивъ характеръ отца своего, который сообразовался въ образѣ жизни съ вѣкомъ своимъ. Молодой же Паничь, напротивъ того, вѣкъ свой старался опередить; онъ не терпѣлъ ни какихъ насилій, ненавидѣлъ принужденія, а любилъ одну только откровенность, простоту и добродѣтель. Разница сія такихъ двухъ совершенно противуположныхъ одинъ другому характеровъ, поставляли отца съ сыномъ въ какую-то отдаленность, несообразную почти съ вну-

шеніями Природы. Но впрочемъ, не смотря на такое различіе характеровъ, Петрусь никогда не выходилъ изъ предѣловъ должнаго почтенія и уваженія къ отцу своему, да и старый Панъ равномѣрно съ своей стороны не отвергалъ явно своего сына; но при всемъ томъ, когда они находились вмѣстѣ, то имъ было какъ-то скучно, непріятно.

Уже начала показываться между деревьями крышка готическаго зданія, въ коемъ жилъ Панъ Барановскій. Петрусь дрожалъ при мысли, думая, что скажетъ отецъ его, когда узнаетъ, что онъ хочетъ жениться на Пронѣ. Будетъ ли это пріятно для него? Въ такихъ мысляхъ онъ скоро помчался къ воротамъ замка.

Но каково было удивленіе Петруся,

когда ворота замка нашелъ запертыми. Онъ думалъ, что будетъ встрѣченъ отцемъ своимъ, думалъ, что онъ ожидаетъ его у оконъ; но эти мечты его обманули. Онъ еще болѣе удивился тому, когда на голосъ его Грицко спросилъ: кто тутъ? Наконецъ, послѣ нѣкоторыхъ разговоровъ, Грицко отворилъ ворота, и взявши за узду лошадь, сказалъ ему, чтобы онъ не ходилъ далѣе, а слѣдовалъ бы туда, куда онъ ему покажетъ.

»*Что ты мнѣ говоришь, Грицко?* Ты знаешь, что я хочу видѣться какъ можно скорѣе съ отцемъ моимъ,« сказалъ остановясь Петрусь.

— Идите за мной: онъ здѣсь, въ этомъ замкѣ, сказалъ въ полголоса Грицко. И неужели вы, добрый Паничь, сомнѣваетесь въ вѣрности моей?

Петрусь, молча, съ потупленными глазами послѣдовалъ за проводникомъ. Они шли по узкому, едва освѣщенному тусклою лампадою корридору, и какъ скоро пришли къ концу онаго, то тутъ Петрусь замѣтилъ желѣзную дверь, запертую изнутри. Грицко постучался; эхо раздалось по корридору, и колокольчикъ, привѣшенный къ дверямъ комнаты, куда вела та дверь, прозвенѣлъ уныло. Мгновенно послышались человѣческіе шаги, и обѣ половины дверей скоро растворились.

Петрусь вступилъ въ огромную залу, великолѣпно отдѣланную, о которой до сего времени не зналъ. Онъ увидалъ въ оной многочисленное собраніе Малороссійскихъ Пановъ, стоявшихъ около мраморныхъ стѣнъ сей залы. Длинный, краснаго дерева, столъ стоялъ по срединѣ ярко освѣщенной за-

лы. Онъ былъ покрытъ краснымъ сукномъ. На одномъ концѣ стола стоялъ бюстъ Пана Барановскаго, на другомъ золотой двуглавый орелъ; вокругъ стола стояли скамьи, обтянутыя сукномъ того же цвѣта. На срединѣ стола лежали разныя бумаги, и стояла чернилица съ перьями. Отецъ, узнавши сына, подошелъ къ нему, прижалъ къ груди своей, и сердца, долго разлученныя, казалось, соединились взаимною любовію. Слезы радости навернулись на глазахъ у всѣхъ гостей.

Панъ Барановскій попросилъ гостей своихъ сѣсть, а самъ и Петрусь заняли мѣста въ креслахъ, стоявшихъ противъ входа въ ту залу. Гости усѣлись по старшинству, чинно одинъ подлѣ другаго.

Гайдукъ, съ остриженной головой

только на самой верхушкѣ оставленнымъ клокомъ волосъ, стоялъ у дверей. Онъ затворилъ оныя, по повелѣнію Пана.

Когда въ залѣ воцарилась глубокая тишина, тогда Панъ Барановскій, обратившись къ присутствующимъ, сказалъ имъ слѣдующее:

» Здѣсь, любезные товарищи и друзья мои, собирались мы неоднократно; здѣсь не разъ толковали о нашихъ бѣдствіяхъ и общими силами пріостанавливали теченіе грознаго рока; нынѣ опять я васъ пригласилъ для совѣщанія о предметѣ слишкомъ важномъ и слишкомъ близкомъ моему сердцу. Я думаю вамъ извѣстно всѣмъ, что я имѣю сына — но сына напыщеннаго какою-то ложною философіею нынѣшняго вѣка, знаніе которой

свойственно однимъ только вѣтренникамъ; напыщеннаго ею до такой степени, что онъ даже пренебрегаетъ богатствами, единственными утѣшителями въ жизни этой, и равняетъ себя со всякимъ простымъ мужикомъ. Наконецъ эта философія не просвѣтила, но затмила умъ его до такой степени, что онъ хочетъ жениться на одной бѣдной, низкаго званія дѣвицѣ, однимъ словомъ—мѣщанкѣ. Судите, друзья мои, сами, что я долженъ теперь дѣлать? Прошу васъ дать ваши совѣты, прошу утѣшить меня,—можетъ быть, предъ вами, столь именитыми людьми, онъ посовѣстится, можетъ быть перемѣнитъ свои намѣренія и — обратится опять на тотъ путь, по которому порода опредѣлила идти ему.«

Всѣ присутствовавшіе единогласно

соглашались съ Паномъ Барановскимъ, и каждый изъ нихъ предлагалъ съ своей стороны Петрусю невѣсту. Одинъ говорилъ о Панѣ Слыщенковой, другой о Панѣ Гордѣенковой, и у молодаго Панича столько было невѣстъ, сколько находилось гостей. Оставалось дѣло за выборомъ.

Такая неожиданная встрѣча чрезвычайно поразила Петруся, но впрочемъ не отняла у него бодрости духа защитить себя. Онъ всталъ съ мѣста своего, поклонился на обѣ стороны сидѣвшимъ и сказалъ: »Я слишкомъ счастливъ, что судьба привела меня въ среду вашу, гдѣ удобно могу оправдать себя предъ вами, именитые Паны Малороссіи.

»Не нарушая должнаго къ вамъ почтенія и не преступая предѣловъ покорности моей къ родителямъ: ибо я

знаю, что обязанъ почитать и уважать ихъ болѣе нежели самаго себя; а также не отступая ни мало отъ должной почтительности и повиновенія къ нимъ, скажу только вамъ: что неужели богатства, которыми мы обладаемъ, дѣлаютъ насъ счастливыми? неужели только посреди ихъ сердца наши будутъ находить спокойствіе себѣ? По моему, напротивъ. Вспомните, именитые Папы, Лиційска Царя Креза, и спросите внутренно самихъ себя: былъ ли онъ счастливъ? Потомъ сравните жизнь его съ незаслуженною смертію Сократовой. Не почувствуютъ ли тогда сердца ваши жалости состраданія? Такимъ образомъ и я лучше хочу жить въ бѣдности, но быть добродѣтельнымъ, нежели, обладая богатствами, дѣлать изъ себя развращеннаго Лу-

кулла. Согласитесь, что не тамъ ли вы встрѣчаете болѣе добродѣтели, гдѣ видите угнетенную невинность, попранную истину, гдѣ видите человѣка со всѣми совершенствами, но претерпѣвающаго незаслуженное бѣдствіе? Скажите — не дѣйствуетъ ли тутъ Провидѣніе, не явны ли здѣсь пути Его? Вы знаете, что въ счастіи люди забывчивы: удовольствія, развлеченія свѣтскія подавляютъ, уменьшаютъ въ сердцахъ ихъ даже самую вѣру; но въ бѣдности каждый человѣкъ гораздо ко всему внимательнѣе, и добродѣтель болѣе любезна ему. Слѣдственно бѣдность, страданія необходимы для насъ въ жизни этой. Съ ними человѣку гораздо легче найти путь къ вѣчному блаженству, нежели съ богатствомъ, съ роскошью. Скажите, неужели вы поступокъ, учиненный ва-

ми надъ невинною Пронею, можете назвать добродѣлью? неужели въ томъ состоитъ свойство душъ великихъ, чтобы расторгать узы семейныя, нарушать счастіе, и лишать бѣдныхъ людей и отцовъ той помощи и подпоры, каковыхъ они ожидали отъ дѣтей своихъ? Съ нами теперь нѣтъ ни кого, и такъ каждый изъ васъ спросите внимательно у своей совѣсти, хорошъ ли этотъ поступокъ, и если только она одобритъ его, тогда я готовъ отказаться отъ добродѣтельной Прони и во всемъ послѣдовать вамъ. Но вижу, вы молчите, вы чувствуете укоръ совѣсти, вы невольно соглашаетесь, но не хотите объявить этаго: то разторгайте, нарушайте спокойствіе бѣднаго отца, а я все таки не буду отчаяваться: ибо знаю, что слезы, изторгнутыя завистью

изъ глазъ бѣдныхъ, никогда даромъ не падали на землю. Эти слезы будутъ служить зародышемъ для плодородной жатвы въ будущемъ мірѣ; тамъ онѣ получатъ должную награду.

»Послѣ всего этаго, мною сказаннаго, неужели еще кто нибудь изъ васъ можетъ противорѣчить желанію моему и моимъ чувствамъ? Клянусь вамъ всѣмъ священнымъ, съ этихъ поръ ни одна изъ женщинъ, кромѣ Прони, не вступитъ со мной въ супружескія узы, и слово: любовь, ни кто не услышитъ изъ устъ моихъ! (Между тѣмъ продолжалъ Петрусь дрожащимъ голосомъ). Что ни время, ни растояніе мѣста, ни самыя смутныя обстоятельства, однимъ словомъ; ни что не можетъ истребить любви моей къ Прони: она глубоко, очень глубоко вкоренилась въ моемъ сердцѣ, пусти-

ла тамъ корни свои и, можетъ быть, доставитъ въ скорости ожиданный плодъ; а также замѣтите, что она также вѣчна, какъ душа моя. Пускай лучше разрѣжутъ сердце мое на самые мѣлкіе куски, нежели рѣшусь когда либо нарушить данное слово, и если по какимъ нибудь обстоятельствамъ я не исполню данныхъ обѣщаній, тогда пусть скроетъ меня навсегда мрачная темница и острый кинжалъ прекратилъ дни клятвопреступника!«

Когда Петрусь замолчалъ, то лице его поблѣднѣло и видно въ немъ было сильное волненіе чувствъ. Отецъ, чтобы совершенно не сразить его, сказалъ:

»Сынъ мой, теперь мы узнали величіе души твоей, чувствительность

сердца, и видно такъ угодно Судьбамъ Вышнимъ, дабы и ты судьбу свою сочеталъ съ судьбою Прони. Я былъ самъ молодъ, былъ чувствителенъ, и такъ да благословитъ тебя Богъ въ твоихъ начинаніяхъ, да подкрѣпитъ твои силы! Я вижу, другъ мой, ты блѣднѣешь, слѣдственно тебѣ нуженъ покой.«

Стоявшій у дверей Гайдукъ, по повелѣнію стараго Пана, подхватилъ Петруся, который отъ сильныхъ порывовъ чувствъ едва не упалъ на полъ.

Сдѣлалось всеобщее смятеніе. Принесли спирту, начали тереть Петруся, и когда привели его въ чувства, то по повелѣнію отца отвели въ другія комнаты. Панъ же Барановскій и его друзья заперлись въ залѣ одни, нача-

ли опять разсуждать, что имъ дѣлать, и наконецъ рѣшили такимъ образомъ.

»Для вашего спокойствія и для счастія вашего сына, гораздо лучше схватить Проню, посадить ее въ темницу: пускай она тамъ кончаетъ свои дни; а отца ея обличить въ какомъ нибудь преступленіи. Дѣло навѣрное рѣшатъ въ нашу пользу, сошлютъ его. А пройдетъ годъ, другой, Петрусь охладѣетъ, забудетъ Проню и послѣдуетъ нашему желанію.«

Панъ Барановскій не могъ отвѣчать на совѣтъ этотъ: можетъ быть его упрекала, мучила совѣсть. Онъ предался на волю друзей своихъ. Они условились, и положили, чтобы Панъ Гордѣенко взялся за это дѣло: схватилъ бы Проню и — посадилъ въ

темницу. Когда они во всемъ условились, но, простившись съ Барановскимъ, всѣ разъѣхались, оставивъ его въ сильномъ волненіи чувствъ и въ разстройствѣ.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Похищеніе Прони. — Гордѣенко. — Темница.

Какъ уже читателю извѣстно, что Пану Гордѣенкову предоставлено было начать предполагаемое дѣло — предоставлено нарушить семейное счастіе; но какимъ образомъ должно все это сдѣлать? Какъ приступить къ оному?

По пріѣздѣ домой онъ не долго затруднялся въ составленіи плана. Избравъ нѣсколько человѣкъ вѣрныхъ, надежныхъ людей, онъ отправилъ ихъ въ городъ съ тѣмъ, чтобы они ночью, похитивъ Проню, привезли бы къ нему и посадили въ потаенную комнату, находившуюся въ его жилищѣ почти подъ землею, гдѣ одно маленькое окошко, которое можно было назвать скорѣе щелью, пропускало свѣтъ. Въ назначенный день, около вечера, отправились посланные.

Они нашли Проню прогуливавшуюся съ своими подругами за городомъ. Схватить ее тутъ имъ было не возможно, потому что препятствовали подруги ея; почему они, скрывшись въ ближнемъ кустарникѣ, слѣдили за ней глазами и ожидали той минуты, когда

Проня, отставъ отъ подругъ, могла остаться одна. Этотъ случай открылся. Проня точно отспала отъ подругъ. Одинъ изъ посланныхъ, схвативъ ее, посадилъ на свою лошадь и во всю прыть помчался по узкой тропинкѣ въ гусиной боръ, находившійся отъ нихъ въ сторонѣ.

Проѣхавши лѣсъ и выѣхавъ въ открытое поле, похититель увидѣлъ своихъ товарищей, которые дожидались его въ полномъ вооруженіи, и въ случаѣ какой либо опасности, казалось, готовы были защищаться до послѣдней капли крови. Подъѣхавши къ нимъ, онъ тихонько спустилъ Проню съ лошади, которая, пришедши въ себя, умоляла ихъ на колѣняхъ отпустить ее домой, обѣщая за сіе имъ богатую награду.

»Намъ ни чего не нужно, кромѣ васъ, сударыня,« сказалъ тотъ, который казался ей начальникомъ сей шайки и который ее схватилъ. »Мы вполнѣ исполняемъ волю нашего повелителя, мы непремѣнно должны васъ доставить къ нему; а въ противномъ случаѣ отвѣчаемъ собственною жизнію. Извините, я долженъ непремѣнно это исполнить.« Послѣ сего онъ вынулъ изъ своего кармана платокъ и завязалъ ей глаза, чтобы она не могла видѣть дороги, по которой ее повезутъ.

Похитители отправились.

Проня, пораженная прежними несчастіями, не успѣла по возвращеніи опять ознакомиться хорошо съ своими подругами, не успѣла загладить своего поступка, какъ опять попалась въ новое бѣдствіе, въ новое несчастіе. Удру-

чена будучи такими стекшимися обстоятельствами, она, не понимая самой себя, сидѣла безмолвно подлѣ своего похитителя и, казалось, была лишена совершенно способности мыслить.

Она не знала куда ее везутъ и что съ нею будутъ дѣлать.

Долго Проня мчалась съ проводникомъ; наконецъ они остановились, и ей казалось, что будто бы ввели ее въ какое-то жилище. Сойдя съ лошадей, вошли за нею и всѣ похитители. Старшій изъ нихъ подошелъ къ ней и развязалъ платокъ, скрывавшій отъ взоровъ Прони небесный свѣтъ. Она тогда увидѣла, что находилась среди дремучаго бора, въ ветхой хижинѣ. Почти изломанная печь, деревянный столъ, пукъ соломы были единственнымъ убранствомъ той закоптелой развалины. Она сѣла на лежавшую на

полу солому, и слезы градомъ покатились изъ глазъ ея.

» Боже Милосердый! « говорила Проня самой себѣ, » что будетъ со мною? что они хотятъ дѣлать? « — Наконецъ въ той избушкѣ она осталась одна. Похитители, заперши снаружи чѣмъ-то дверь, сами отправились къ лошадямъ своимъ.

Долго лежала Проня одна и думала объ участи своей; наконецъ, когда началъ разстилаться сумракъ и распространяться вечерняя мгла, тогда старшій изъ похитителей вошелъ въ избушку и сказалъ Прони: » пора ѣхать! « И вынувъ изъ кармана платокъ, завязалъ ей опять глаза. Лошади давно дожидались, и они, усѣвшись въ прежнемъ положеніи, поѣхали далѣе.

Проѣхавши верстъ около шести

отъ того мѣста, гдѣ они останавливались, Проня предположила (что было вѣрно), будто бы привезли ее въ какой-то замокъ; ибо она услыхала лай собакъ и скрыпъ воротъ. Садивъ съ лошади, повели ее по длинному корридору. Она слышала, какъ зазвенѣли замокъ и цѣпи. Наконецъ ввели ее въ комнату, сняли платокъ, и бѣдная Проня увидала темницу.

Чувствуя въ себѣ усталость, повергласъ она на стоявшую тутъ кровать. Долго лежала на ней Проня, мрачно размышляла о участи своей и спрашивала самое себя: »что все это значило? за что ее посадили въ такую мрачную комнату, которая походила на темницу, назначенную для ужасныхъ преступниковъ? « и въ этихъ горестныхъ мечтаніяхъ то засыпала,

но опять пробуждалась; но наконецъ благодѣтельный сонъ взялъ верхъ и на долго освободилъ ее отъ тягостныхъ для нее мечтаній.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Барановскій болѣнъ. — Открытіе тайны. — Смерть.

Панъ Гордѣенко не замедлилъ увѣдомить отца Петруся о счастливомъ похищеніи Прони. Эта вѣсть, достигшая Барановскаго, застала его одержимаго сильною горячкою. Петрусь также чувствовалъ себя не такъ-то здоровымъ, и болѣзнь его увеличилась

гораздо больше, когда онъ узналъ объ участи невинной Прони. Но видя чрезвычайную болѣзнь отца своего и ни мало ни въ чемъ его не подозрѣвая, онъ, почтительный сынъ, можно сказать, позабылъ въ это время самого себя и даже Проню, и не отходилъ отъ постели его.

Тогда старый Панъ въ полной мѣрѣ узналъ доброе сердце своего сына, узналъ великодушіе его, которое такъ было чувствительно и невыносимо для него, что даже приблизило его къ смерти.

Чувствуя скорую кончину, онъ раскаялся въ своемъ поступкѣ предъ сыномъ, просилъ даже у него прощенія и совѣтывалъ ему поскорѣй освободить невинную Проню, покровительствовать огорченному отцу ея и стараться, чтобы Бурбелу не оклеветали,

и не предали бы въ руки Правительства.

»Другъ мой, Петрусь!« говорилъ растроганный отецъ, »прости мнѣ при концѣ жизни; я чувствую вполнѣ, что много виноватъ предъ тобою.«

— Родитель не можетъ быть виновенъ передъ сыномъ, отвѣчалъ Петрусь; но вспомня объ участи Прони, онъ закрылъ лице свое руками, и слезы ручьями полились изъ его глазъ.

»Петрусь,« сказалъ отецъ дрожащимъ голосомъ, »я чувствую приближеніе смерти, и такъ дай ты мнѣ время окончить дѣла мои на землѣ. На краю только могилы, когда душа моя готова оставить сей міръ, готова разстаться съ тѣломъ, узналъ я все благородство твоего сердца. Прости мнѣ, милый сынъ мой!«

Петрусь плакалъ.

»Только въ эту минуту,« продолжалъ старикъ Барановскій, »когда я приближаюсь къ предѣламъ гроба, узналъ я тлѣнность богатствъ, тлѣнность міра сего, и вижу ясно, что всѣ мои мечтанія разрушаются. Перестань плакать, добрый Петрусь, прошу тебя; пошли скорѣй за священникомъ.«

Почтительный сынъ поспѣшилъ исполнить приказаніе это.

Панъ Барановскій, по совершеніи обязанности истиннаго Христіанина, приказалъ позвать къ себѣ Петруся. Онъ просилъ его не отходить отъ постели.

Наконецъ умиравшій Панъ, едва внятно, послѣ долго хранимаго молчанія, сказалъ: »Тѣло мое положить тамъ....« Онъ не договорилъ. »Дай мнѣ руку, добрый сынъ!« были послѣднія слова его. Петрусь, подавши одну руку,

другую подложилъ подъ голову, какъ бы желая больнаго приподнять; но ни чѣмъ неотразимая смерть приняла Пана Барановскаго въ объятія свои и душа его навѣчно разлучилась съ тѣломъ.

Петрусь, принявъ послѣдній взоръ отца, былъ также подобенъ мертвому.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

СОКРАТИМЪ РАЗСКАЗЪ.

Петрусь, которому потеря родителя, какъ покорному сыну, была чувствительна; онъ даже, разогорченный, разтерзанный, позабылъ о несчастіяхъ Прони — милой, драгоцѣнной для него Прони, которую онъ любилъ пламенно, страстно, неизъяснимо. Отдавъ

послѣдній долгъ своему отцу, проливъ слезы непринужденія на могилѣ его и, быть можетъ, въ ту минуту позабывъ самое существованіе міра, Петрусь, блѣдный — какъ смерть, унылый—какъ меланхолія, изнеможенный—какъ невольникъ деспота Востока, возвратился въ замокъ.

Мѣсто рожденія его, этотъ кровъ воспитанія, казался ему въ то время пустыннымъ, дикимъ обиталищемъ отшельниковъ. Ни гдѣ и ни въ чемъ не находилъ Петрусь утѣшенія себѣ: ни въ воспоминаніи прошедшаго, ни въ надежды на будущее, однимъ словомъ, ни что не развлекало сердечной грусти бѣднаго, несчастнаго юноши, испытавшаго въ цвѣтѣ лѣтъ столько огорченій, печалей, несчастій.

Но вотъ Петрусь какъ бы ожилъ

вновь. Мечта о Прони какъ благодать, ниспосланная съ неба, возвратила ему прежнія силы, прежнюю способность разсуждать; сказать короче: его мысли, его душа, его сердце, онъ весь самъ превратились въ мечту о миломъ, обожаемомъ предметѣ любви своей. Но, ахъ! эта сначала очаровательная, плѣнительная, усладительная мечта скоро наконецъ сдѣлалась пасмурна, уныла, тягостна для души, бременемъ для сердца! Съ мыслію о Прони, Петрусь вспомнилъ, что она заключена въ душной, темной, смрадной темницѣ Пана Гордѣенки. Любовь, жалость, боязнь, ненависть подняли страшную борьбу въ сердцѣ Петруся; онъ опять сдѣлался мраченъ, задумчивъ и унылъ.

» Дома Панъ Гордѣенко? « спросилъ Петрусь, подъѣхавъ къ воротамъ жи-

лица его, у стоявшаго привратника.

— Никакъ нѣтъ, отвѣчалъ старикъ привратникъ съ низкимъ поклономъ.

»Гдѣ же онъ?« спросилъ опять Непрусь съ примѣтнымъ нетерпѣніемъ.

— Милостивый мой Панъ поѣхалъ на охоту и, можетъ быть, долго не возворотится, былъ отвѣтъ привратника.

Блѣдность, подобно могильной, покрыла щеки влюбленнаго; онъ въ ту минуту, казалось, походилъ на существо лишенное способности чувствовать и понимать хотя что нибудь. Болѣе четверти часа Барановскій находился въ таковомъ положеніи, но наконецъ, какъ бы пробудившись отъ сна, онъ мрачно взглянулъ на

окружавшіе его предметы. Двѣ крупныя слезы повисли на длинныхъ рѣсницахъ его.

» Онъ уѣхалъ, « наконецъ сказалъ Петрусь самому себѣ, » и долго не будетъ — это ужасно! Проня, милая, добрая Проня должна до тѣхъ поръ томиться въ душной темницѣ своей. *О Боже!* подкрѣпи бѣдную, невинную дѣвицу! Она достойна участи лучшей. «

Быть можетъ, Петрусь еще бы долѣе пробылъ въ такомъ самозабвеніи, если бы старикъ привратникъ не вывелъ его изъ онаго.

» *Я* вамъ доносилъ, сударь, что *Панъ, милостивый Панъ*, уѣхалъ на охоту и долго не возворотится, « сказалъ привратникъ задумавшемуся и сидѣвшему въ своей бричкѣ Петрусю.

— Да я до твоего Пана имѣю необходимость; мнѣ непремѣнно надобно видѣть его, отвѣчалъ Петрусь сердито.

»А я вамъ доношу, что его нѣтъ, и не знаю какъ помочь вамъ.«

Вдали поднялась пыль, послышался стукъ копытъ и скрыпъ колесъ; наконецъ можно было различить ѣхавшихъ.

— Ну вотъ, какъ вы счастливы, сударь! сказалъ привратникъ глядя вдаль: это ѣдетъ нашъ милостивый Панъ. Вѣрно случилось что нибудь недоброе, что онъ возвращается такъ скоро.

Сердце Петруся забилось отъ радости. Онъ въ эту минуту былъ какъ бы не свой. Увидапься съ Па-

номъ Гордѣенко и освободить Проню, вотъ все, что только тогда занимало его.

»Здравствуйте, Паничь!« сказалъ старый Гордѣенко, подъѣзжая къ воротамъ замка. »Какъ это вздумали вы навѣстить меня?«

— Не столько желаніе быть въ гостяхъ у васъ, отвѣчалъ Петрусь довольно холодно, принудило меня пріѣхать къ вамъ, сколько обязанность и долгъ спасенія содержавшейся въ замкѣ вашемъ особы, которая, Панъ, сей часъ же должна освобождена быть.

Гордѣенко при этихъ словахъ примѣтно смутился. Его удивило, почему Петрусь узналъ о заключеніи въ замкѣ его Прони. Желая скрыть смущеніе и въ умѣ своемъ найти причину оправдать себя, онъ просилъ Пе-

труся на нѣкоторое время оставить разговоръ объ этомъ, а съ этимъ вмѣстѣ пригласилъ его въ комнаты. Петрусь, хотя неохотно, но согласился на предложеніе это.

» Я вижу, Паничь, что вы на меня сердитесь, « сказалъ Гордѣенко, оставшись съ гостемъ своимъ на единѣ; » но повѣрьте, я въ этомъ дѣлѣ виноватъ столько же, сколько и вы. Покойный вашъ родитель просилъ меня сдѣлать это; я любилъ и уважалъ его. Онъ былъ другомъ, благодѣтелемъ моимъ, сдѣдственно могъ ли я не исполнить желанія его? «

— Знаю все, Панъ, отвѣчалъ Петрусь, и прошу васъ не говорить болѣе о винѣ моего родителя, а съ этимъ вмѣстѣ, ни мало не медля, извольте отправиться въ темницу бѣдной Про-

ни. Я самъ хочу вывести ее изъ мѣсіпа заключенія, самъ хочу быть освободителемъ ея.

Тонъ Петруся былъ довольно повелителенъ: это сначала не понравилось старику, гордому Пану; но Гордѣенко, надобно сказать, былъ гордымъ, чваннымъ только при людяхъ, а съ кѣмъ нибудь на единѣ тихимъ, смиреннымъ, даже боязливымъ. Впрочемъ онъ хотѣлъ было показать характеръ свой, хотѣлъ пріостановиться; но пылкій, отважный Петрусь — этотъ страстный любовникъ, былъ медленностію Гордѣенко доведенъ до бѣшенства. Онъ — предпріимчивый какъ самоотчаяніе, схватилъ бѣднаго старика за обѣ руки и такъ крѣпко сжалъ оныя, что тотъ готовъ былъ почти закричать; но

какъ бы стыдясь показать всю слабость характера своего, сказалъ: » Помилуйте, Паничь, развѣ вы не видите, что я хочу идти съ вами? « Петрусь нѣсколько успокоился.

— Ну такъ пойдемте, отвѣчалъ онъ. Бѣдная Проня должна быть свободна сію же минуту.

Они отправились. Дошедши до дверей темницы Прони, Петрусь услыхалъ тяжкіе вздохи сей несчастной. Мгновеніе, въ которое Гордѣенко отпиралъ дверь, казалось страстному любовнику часомъ. Но вотъ дверь была отперта, растворена и Петрусь, какъ молнія, бросился въ темную, душную темницу.

» Другъ мой! ангелъ мой! « сказалъ Петрусь, сжавъ въ своихъ объятіяхъ удивленную, изнеможенную Проню. Ус-

та ихъ слились. Болѣе десяти минутъ страстные любовники хранили молчаніе; но это молчаніе было краснорѣчивѣе каждой длинной рѣчи лучшаго адвоката Англійскихъ Парламентовъ.

Эта сцена тронула Гордѣенко: слезы навернулись на глазахъ его.

Кто любилъ и любилъ пламенно, страстно, неизмѣнно, подобно моему Петрусю и Прони, тотъ можетъ чувствовать, понимать и судить объ этомъ свиданіи ихъ; сердце того скажетъ ему, что тогда чувствовали сердца этихъ любовниковъ. Но перо слабо для описанія этой сцены, для изъясненія языка сердецъ и для выраженія сильныхъ, глубокихъ чувствъ и пламенныхъ, неукротимыхъ порывовъ любви!...

Надѣюсь, что читатели извинятъ, если я пропущу описаніе времени отъ минуты свиданія въ темницѣ, до дня драгоцѣннаго въ жизни любовниковъ. Пропущу и не скажу ничего, какъ Петрусь и Проня простились съ признавшимъ себя виновнымъ Гордѣенко, какъ они, очарованные, восхищенные, давали другъ другу новыя клятвы въ вѣрности и, позабывая все окружавшее ихъ, мечтали о наслажденіяхъ и удовольствіяхъ будущаго....

По пріѣздѣ въ замокъ, Петрусь, не медля ни мало, послалъ въ городъ за Бурбелой и Данько. Обрадованные родственники извѣстіемъ присланнаго, не отлагая времени, поспѣшили въ замокъ Барановскаго, гдѣ ихъ и Проню ожидало счастіе.

Прошла еще недѣля, послѣ которой въ замкѣ умершаго Барановскаго

раздались крики радости, начались пиры, пріѣзды гостей, приготовленія и наконецъ насталъ самый день ожидаемаго торжества. Петрусь и Проня, достойные другъ друга если не порожденію, то по крайней мѣрѣ по согласію чувствъ, по стройной гармоніи сердецъ, — въ церкви замка, предъ изображеніемъ Всевышняго, произнесли клятву въ вѣчной вѣрности.

Священный обрядъ былъ совершенъ. Новобрачные, сопровождаемые множествомъ приглашенныхъ гостей, возвратились въ покои замка, гдѣ ожидало ихъ шумное веселіе съ своей подругой — радостью.

Оставляемъ описаніе недѣльнаго пира и всѣхъ удовольствій, а также состоянія сердецъ Петруся и Прони. Каждый можетъ представить себѣ, какое высочайшее земное блаженство

ощущали они.... Дай Богъ, чтобъ и многихъ подобныхъ влюбленныхъ ожидала такая же участь и чтобъ они доспигали счастливо предположенной цѣли своей!...

Любопытство свойственно каждому человѣку, а разсказывать вполнѣ объ избранныхъ герояхъ романа есть обязанность каждаго автора. Я предполагаю, что читатели хотятъ знать и объ участи Зобеиды. Готовъ удовлетворить желанію ихъ.

Сколько была счастлива Проня, столько напротивъ дочь Гамза-Бея была несчастлива. Сдѣлавшись, по желанію отца своего, женою Абдургамана, она не перестала помнить Петруся; ни что не могло въ сердцѣ ея истребить любви къ нему и заставить любить своего мужа. Абдургаманъ, видя холодность ея, даже пре-

зрѣніе, и плѣнившись одною изъ невольницъ, принесъ ее своему мщенію. Острый кинжалъ прекратилъ несчастные дни бѣдной Зобеиды. Какъ грубъ, кровожаденъ деспотизмъ Востока!

КОНЕЦЪ.

НКП РСФСР
Инвент. №
19

Изъ книгъ Никиты
Васильева Потемкина